

Знакомство с
«Потерянным Раем»
Джона Мильтона

Михаил Шипицын

16+

Михаил Иванович Шипицын

Знакомство с Раем Джона Мильтона

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64822072
SelfPub; 2021*

Аннотация

Из книги читатель узнает кто такой Джон Мильтон, что послужило причиной написания его знаменитого "Потерянного рая", а также менее знаменитого "Обретённого рая"; какую цель он преследовал, создавая эти произведения, какие источники использовал для своего вдохновения. Джон Мильтон, как политический писатель, активно выступал со своими памфлетами в судьбоносные годы истории Англии, когда сам король Англии поплатился головой за своё непонимание политической ситуации. Жизнь ослепшего поэта и политика, его религиозные и политические убеждения, а также его эпические поэмы, посвящённые Христу как главному герою обеих поэм, обсуждаются и комментируются в предлагаемой книге.

Содержание

Жизнь Джона Мильтона	5
Религиозные убеждения Джона Мильтона	19
Литературная деятельность и семья	22
Замысел библейской эпикки	27
«Потерянный рай»	32
Замысел и издание	32
Эпические условности	33
Особенности построения	36
Книга Первая	38
Книга Вторая	44
Книга Третья	58
Книга Четвёртая	62
Книга Пятая	68
Книга Шестая	75
Книга Седьмая	78
Книга Восьмая	84
Книга Девятая	88
Книга Десятая	102
Книги Одиннадцатая и Двенадцатая	107
Заключительный комментарий к “Потерянному раю”.	112
«Обретённый рай»	114
Связь с «Потерянным раем»	114

Построение поэмы	115
Книга Первая	116
Книга Вторая	121
Книга Третья	124
Книга Четвёртая	126
Комментарий к “Обретённому раю”	132
Библиография	137

Михаил Шипицын

Знакомство с Раем Джона Мильтона

Жизнь Джона Мильтона

Молодые годы

Джон Мильтон родился в Лондоне, в доме на Брэд Стрит, 9 сентября 1608 года. Дом стал добычей знаменитого большого пожара, бушевавшего в Лондоне в 1666 году. Его отец, по словам самого поэта, был человеком исключительной целостности. Он отличался также высокой культурой и даже мог представить себя как довольно законченный композитор. Сам молодой Джон Мильтон выделялся своим серьёзным и религиозным духом, однако это не мешало ему проводить много времени за чтением Шекспира и других замечательных поэтов, чьи произведения он мог отыскать как на английском, так и на других языках. Как и его отец, Джон был пуританином, хотя его пуританство ограничивалось стремлением к пиетизму и свободе. В то религиозное время было естественно, что ребёнок должен посвятить себя церковному

служению, и Мильтон был приписан к грамматической школе при соборе Святого Павла. В свои молодые годы Мильтон имел широкие возможности и свободу выбора, гарантированные ему отцом, за что позднее поэт выражал не раз свою благодарность. В феврале 1625 года семнадцатилетний Джон переступил порог Колледжа Христа в Кембридже, и после семилетнего пребывания там мог считать своё образование готовым для университета в 1632 году. По отзывам его педагогов и друзей-студентов, он заслужил своей прилежностью довольно высокую кредитоспособность. С самых юных лет Мильтон начал читать на иврите, самые первые попытки сочинительства, вышедшие из-под его пера, были переводы псалмов 114 и 136.

Окончив колледж в Кембридже, Мильтон продолжил свои занятия в университете Оксфорда. Как это было заведено среди уважающих себя англичан, Мильтон решил завершить своё образование большим путешествием по Европе, и в 1638 году пересёк Английский Канал, имея в своём багаже толстую пачку рекомендательных писем. Проведя немного дней в Париже, поэт отправился дальше по направлению к итальянским городам, которые пользовались наибольшей популярностью среди английских джентльменов: Ницца, Генуя, Ливорно, Пиза, Флоренция, Рим, Неаполь. Добравшись до Неаполя, Мильтон получает известие о политическом конфликте, разгоревшемся дома между королём и парламентом, где пуритане завоевали себе довлеющее боль-

шинство в палате общин. Чувствуя в себе обязанность быть в это время там, где развиваются исторические события, Джон Мильтон прерывает своё путешествие и направляется домой в Англию.

Политическая и религиозная деятельность

За свои 11 лет пребывания на троне Чарльз Первый стремился править Англией обходясь без помощи парламента. В отношении церковных вопросов, католическая система набирала силу, её сторонники ставили основной целью ущемить любую форму протестантизма или свободной мысли. В их планы также входило установление иерархии церковных постов, принятие Английской Молитвенной Книги как обязательного документа не только для англичан, но и для шотландцев, а также изменение церковных ритуалов англиканской церкви как можно ближе к католической римской церкви, так, чтобы эти ритуалы стали практически неотличимы друг от друга. Это была политика англиканской церкви, которая ничем не отличалась от политики короля.

Для молодого Мильтона пришла пора ступить на публичную парламентскую сцену и провозгласить реформы для церкви, государства, а также и для университета. Хотя Мильтон и отказался принять церковный пост, он, по его собственным словам, не стал от этого менее духовным. Священ-

нослужение, которого он стремился достичь, обернулось зовом поэтического служения. С его точки зрения, поэту, которым он стремился быть, следует быть освящённым человеком. То зло, которое отделяет человеческую природу от божественной, квалифицирует поэта описывать зло; но если поэт действительно стремится дать другим почувствовать, как прекрасно в действительности добро, то ему просто необходимо со всей силой своей души стремиться к тем возвышенным областям существования, где это добро царствует. В любой форме искусства этот религиозный элемент должен приноситься со стороны религиозного артиста. Именно через это приближение к возвышенному – как в искусстве, так и в религии – природный человек имеет возможность обозреть религиозные проявления. В отношении своего будущего жизненного пути Мильтон, казалось, не торопился определиться. Были моменты, когда он думал о юриспруденции, как и его отец. Однако, его писательская деятельность, как политическая, так и поэтическая, которая началась ещё в Кембридже, имела настолько сильное впечатление на его друзей, которые уверовали в его талант, что и сам он начал задумываться о карьере поэта.

Полемика вокруг епископства

Не будучи членом парламента, Мильтон обращается к

публике через прессу. В 1641 году появляется его работа под заглавием «О реформации в Англии и причинах, которые препятствовали ей. Написано другу.» (*Of Reformation in England, and the Causes that hitherto have Hindered it. Written to a Friend*). Причин, которые препятствовали реформам, было много. Явное преимущество среди них было отдано деятельности епископов, чья любовь к почестям, пышности и власти излагаются Мильтоном как естественный результат того ложного положения в обществе, которое приписывается им, и которое обратило их в больших вредителей и искусителей вместо того, чтобы быть, соответственно их положению епископов, духовными пастырями церкви. Халл, епископ в Норвиче, выступил с защитой под заглавием «Уничжённая жалоба в пользу епископата» (*Humble Remonstrance in Favour of Episcopacy*), на что Мильтон незамедлительно ответил издав «*Smectymnius*», с заглавием, представляющим комбинацию инициалов известных пуритан: англичан Стефана Маршала, Эдмунда Калами, Томаса Янга, Матью Ньюкоммена и шотландца Вильяма Спурстова. Архиепископ Ушер вмешался в полемику с изданием «Апостольского института епископата» (*Apostolical Institution of Episcopacy*). Мильтон ответил сразу двумя изданиями, «О епископате прелатов» (*Of Prelatical Episcopacy*) и «Причины церковного управления» (*Reasons of Church Government*). Епископ Халл издал свою вторую попытку защиты, «Жалоба» (*Remonstrance*), на что получил ответ Мильтона в

«Критических комментариев» (*Animadversions*). В 1642 году полемика не угасала и на публикацию епископа Халла, «Скромное доказательство против постыдных сплетен и клеветы» (*A Modest Confutation against a Sladerous and Scurrilous Libel*) Мильтон ответил своей блестящей работой «Защита Smectymnuus» (*Apology for Smectymnuus*). Результатом этой пространной и страстной полемики стало изгнание епископов их палаты лордов, за этим последовало ограничение власти самого епископата как государственного института. Необходимо иметь в виду, однако, что Мильтон был не одинок в своей борьбе против епископов. Джон Пим, предводитель пуритан в палате общин парламента, был инициатором политической компании против епископов, поскольку они поддерживали короля и блокировали большинство законопроектов, принятых в палате общин. С изгнанием епископов из палаты лордов принятие законов, сформулированных пуританами и в своей основе направленных на обуздание королевской власти, не представляло более препятствий.

Доктрина развода

В 1643 году Мильтон заключил брак с Мэри Повелл, но не прошло и нескольких недель после их приезда в Лондон, как она получила письмо от родных с приглашением посетить их в Оксфорде. Мильтон попросился с женой, и с тех пор он

её больше не видел. Члены семьи Мэри была роялистами, и для многих, находящихся при дворе короля в Оксфорде, будущее монархии казалось обещающим лучезарные перспективы. Эти рассуждения заставили семью Повелл попытаться отряхнуть с себя любые связи, которые могли бы опорочить их репутацию. Не исключено и то, что и сами новобрачные совершили ошибку, заключая необдуманый брак. Даже если Джон Мильтон и был разочарован в своих ожиданиях, можно выразить в его защиту, что он был готов стоически отвечать за последствия: это был не Мильтон, кто пошёл на попятный, но Мэри Повелл, которая оставила его и нанесла Мильтону последующие оскорбления, как со стороны своей семьи, так и со стороны своих друзей-роялистов.

Следует упомянуть, что Джон Мильтон был женат три раза. Его второй брак обернулся счастливым, о чём красноречиво свидетельствует прекрасный сонет, написанный им в её честь. Со своей третьей женой Мильтон жил последние десять лет своей жизни, и эти годы также были отмечены любовью и заботой. Несмотря на твёрдое убеждение Мильтона о том, что сильный пол должен заботиться о слабом, можно также найти доказательства того, что он чувствовал признательность той прелести, которая лежит в женской природе, о чём свидетельствуют его поэтические описания Евы в «Потерянном Раю».

Относительно первого брака, Мильтон начал искать юридические пути выхода из него. В 1644 году он издаёт тезис,

обращённый к парламенту, «Доктрина на тему развода» (*The Doctrine and Discipline of Divorce*). К этому времени партия пресвитериан пришла к власти в парламенте, так что идеи Мильтона были встречены в штыки. Милтон был обвинён в деморализации общества и должен был предстать перед судом палаты лордов, однако в палате лордов господствовало другое мнение относительно развода, и Милтон был отпущен, оправданный во всех обвинениях. В 1645 году Джон Милтон издаёт второй тезис на эту же тему, «Четырёхглавие» (*Tetrachorden*), где он толкует четыре главы из Писания, посвящённые проблеме развода. Ядром доктрины Мильтона стала идея о том, что существуют другие причины для развода, кроме измены, эти причины описаны в законах Моисея; и именно эти причины следует принять как законные и для христианского судопроизводства: поскольку они упомянуты в законах Моисея, они не могут противоречить словам Христа. Другая идея заключается в том, что абсолютный запрет на развод, кроме условий, упомянутых в законах Моисея, будет являться противоречием самим намерениям этих законов. Основная точка зрения этого тезиса лежит в том, что такие причины, когда одна или обе стороны не имеют надлежащего основания для продолжения брака, или не в состоянии продолжать брак, или имеют несходные мнения на брак как результат природной несовместимости, что не позволяет радоваться брачному союзу как источнику мира и согласия, – все эти причины являются более вескими ос-

нованиями для развода чем измена, принимая во внимание, что обе стороны принимают развод.

Свобода печатного слова

Мильтон писал также и на другие темы. В 1644 году он публикует «Обращение, или речь в защиту свободы бесцензурной печати» (*The Areopagitica, or Speech for the Liberty of Unlicensed Printing*), адресованную парламенту. Реакционный парламент принял закон, направленный на регулирование книгоиздания и другой печатной продукции: «ни одной книги, или памфлета, или листа разрешается с настоящего времени печатать, если они не одобрены и лицензированы лицом, специально для этого назначенным». Мильтон обращается к парламенту с призывом изменить этот закон и аргументирует тем, что такое подчинение писательского промысла неподходящему или капризному цензору является характерным для времени, в котором они живут. Поэт предупреждает о фальшивом чувстве безопасности, основанном на надежде, что такого рода законы ограничат издание злонравных книг. Мы не наказываем человека – рассуждает Мильтон – за то, что этот человек может совершить дурные поступки, – мы ждём, пока эти дурные поступки совершены. Давайте также поступать и с книгами: лицензия издавать что угодно будет малой привилегией, если правительство сохра-

няет за собой власть наказывать за это, как оно посчитает нужным.

Отношение Мильтона к казни Чарльза Первого

Партия короля переживала упадок и расчленение. Сам Чарльз становится узником, сначала у шотландцев, затем у пресвитериан, наконец у протестантов. После казни короля, пресвитериане выражают негодование и публично обвиняют в своих памфлетах протестантов в совершившемся. Джон Милтон мог принять что-то похожее со стороны старых роялистов или незнающих среди народа, но он был не в силах терпеть такого рода обвинения со стороны пресвитериан. Поэтому через несколько недель после смерти короля Милтон публикует памфлет «Время для королей и чиновников» (*The Tenure of Kings and Magistrates*), в котором он, после перечисления обвинений против Чарльза Первого, пытается примирить читательское сознание с тем, что произошло, но вместе с тем он также обсуждает законность свершившегося суда. Милтон обращает внимание читателей на то, что пресвитериане, кричащие о незаконности казни короля, сами отстранили короля от власти в парламентской борьбе и вели военные действия с мечом в руках против своего суверена. Острые факты и блистательная логика памфлета ранили пресвитериан глубоко и в уязвимое место. Если до

этого они презирали Мильтона, то после издания памфлета они были вне себя от ярости.

Деятельность на посту Секретаря по иностранным языкам.

Результатом политической активности Мильтона стало его назначение на пост Секретаря по иностранным языкам, которое он принял 13 марта 1649 года.

Многие всё ещё считали, что казнь короля была большим преступлением. Выражая эти настроения была опубликована книга под названием «Королевская икона» (*Eikon Basilikè*), которая способствовала усилению этих настроений в новом соединённом королевстве. Эта книга воспевания казнённого короля рисовала его как святого во всех проявлениях его личной жизни. Для того, чтобы повлиять на общественное мнение, Милтон публикует одну из своих лучших политических работ, «Разрушитель икон» (*Iconoclastes*). Цель этой публикации была, конечно, сформулировать законный процесс против короля со стороны парламента и продемонстрировать ложность представления короля как святого мученика.

Падение Мильтона как политика во время Реставрации

За восемь лет перед Реставрацией Мильтон проживал в доме на Пети Франс, в близости от всех событий, имеющих место быть как в связи с церковью, так и в вопросах государства. Наступившая Реставрация изменила всё: Мильтон как политик был обречён, даже если бы он и не продолжал писать на политические темы, этого было бы недостаточно, чтобы чувствовать себя в безопасности, из-за текстов, которые он уже опубликовал. Он оставил свой дом на Пети Франс и нашёл приют у друга в Бартоломью Клоуз. На его арест был выдан ордер, но, благодаря многим друзьям, ему удалось избежать тюрьмы. Даже среди врагов были люди, с состраданием думающие о его слепоте, или с большим уважением помнящие его поэтический гений. В июне 1660 года палата общин постановила, что «Разрушитель икон» и «В защиту народа Англии» Мильтона должны подвергнуться публичному сожжению палачом, что и было совершено в августе 1660.

Политические взгляды Джона Мильтона

Если верить общему мнению, Мильтон считается пламен-

ным республиканцем. Однако, сам Мильтон выражал такое мнение, что правительство должно быть передано в руки лучших и наиболее мудрых. Если оценивать монархию по тому, за что она обычно ратовала, то у Мильтона не было ни малейших надежд для нации со стороны этого лагеря. С другой стороны, ничто не было более далёким от его мыслей, чем мнение о том, что наилучшее правление должно исходить от множества. Пользуясь его собственными словами, «не присоединяться к тому шуму и гаму, что исходит от грубого множества, но позволить тем из множества, которые действительно квалифицированы, вызваться во всей их множественности; предложив тем, кто лучшего происхождения, выбрать более пристально среди этого числа меньшее количество; так что после третьего или четвёртого отбора оставалось бы определённое число избранных, которые могли бы представлять наиболее подходящие голоса» (цитата из «Готового и наилегчайшего пути образовать свободный Коммонвелш» (*The Ready and Easiest Way to Establish a Free Commonwealth*)). Но чтобы приноровиться к республике Мильтона, нации пришлось бы забыть почти все свои традиции, организации, прошлые предания, и заменить правлением, созданным по предложению Мильтона, то правление, которое было результатом органического исторического процесса. Ожидать этого от народа, в особенности от народа английского, который так тесно связан со своими традициями, было бы несправедливо. Оливер Кромвель, кото-

рый к этому времени занял ведущую позицию в английском правительстве вместо рано умершего Пима, знал, что собой представляла большая часть народа – что она в той или иной степени поддерживала роялистов. Ему было ясно, что если предоставить будущее правительства на волю народных голосов, то это было бы равносильно уничтожению республики. Если Мильтон обманывал самого себя тем, что представлял себе, что нация *должна* была делать, или что ей *следовало* бы делать, – то Кромвель, со своей позиции более ясного политического наития, смог предвидеть, что нация *могла* бы сделать, если бы она была предоставлена сама себе, и он действовал соответственно, посылая Чарльза Первого на плаху.

Религиозные убеждения Джона Мильтона

В отношении своих религиозных убеждений Джон Милтон был по многим пунктам в соответствии со своим временем и своей страной. Его отрочество и юность прошли в пуританской среде, и хотя его пиетизм был продуктом его собственного измышления и включал в себя некоторые элементы более свободного взгляда на вещи, необходимо отметить, что природный и органический результат его особого восприятия жизни и его воспитание никогда не покидали пуританский дух и полноту. После своей смерти Милтон оставил среди своих рукописей углублённый тезис «Христианская доктрина» (*Christian Doctrine*). Известно с определённой степенью, что до своих сорока лет Милтон был кальвинистом и приверженцем троичного догмата Бога. В отношении троичности Бога его восприятие претерпело изменение в еретическую сторону, если смотреть на вещи с точки зрения ортодоксии христианства, однако нет свидетельств этого изменения вплоть до появления в свет «Потерянного Рая», к этому времени Милтону стукнуло за 60. Можно рассуждать о том, что им было задумано оставить на более глубокие и серьёзные изыскания «Христианской доктрины» те идеи, намеченные им в строках «Потерянного Рая», касающихся персон

троичного Бога, которые обычно представляются равными между собой и как одна божественность, – что эти идеи были выражены намеренно как проба осознания божественности, отличной от принятого догмата. В «Потерянном Раю» Сын предстаёт как наивысшая форма создания, но всё-таки как создание; Дух Святой, который представлен как личность, подразумевается быть ниже Сына. Должно быть замечено в этой связи, что эти концепции не имели никакого влияния относительно прочих богословских догматов. Он продолжал верить в первородный грех человека и последствия этого греха для всего человеческого рода; он верил во спасение через Христа, в прощение грехов через покаяние, в оправдание через Христа, в воссозидательную власть Святого Духа. Спасение грядёт, в сознании Мильтона, через троичность божественных личностей, хотя они и не равны между собой; а также через троичность положений, хотя эти положения и заняты персонами, имеющими различную натуру и власть. Мильтону ставилось в вину, что в свои преклонные года он не был приткнут ни к какой церкви, даже не участвовал ни в каких формах общественного богослужения. В его защиту можно заметить, что церковная полемика Мильтона была направлена против партии пресвитериан, а также в не меньшей степени против англиканской церкви как таковой, – единственной церкви, которая была разрешена в последние годы жизни Мильтона. Участие в богослужении, не связанном с англиканской церковью, было нарушением за-

кона и каралось штрафом или тюремным заключением.

Литературная деятельность и семья

Примирение с супругой.

В 1645 году Мильтон издаёт сборник своих стихов и сонетов, написанных в течение года. Молодой дамой, которая воспевается в сонетах, предполагается быть некая мисс Дэвис, о которой Мильтон, оставленный своей супругой, начинает думать как о кандидате на роль второй супруги. Между тем, его политическая ситуация изменяется радикально. Лето 1645 года приносит победу протестантам в парламенте, а с этим все надежды роялистов обращаются в оскорбительное поражение. Семья Повелл видит ясно, что семейная связь с Мильтоном может быть не только безопасной, но и приносящей выгоды. К тому же Мэри Повелл начинает выражать перемену в своём сердце по отношению к мужу в виду появившейся конкуренции. Нет сомнений в том, что описание примирения между Адамом и Евой в «Потерянном Раю» написано под влиянием свежих воспоминаний похожей сцены, пережитой самим автором.

В течение 1648 года Мильтон переводит девять из своего собрания псалмов.

Слепота Мильтона и второй брак

Поскольку слепота Мильтона наступила не сразу, а подкралась к нему в форме постепенного ухудшения зрения, сложно определить точную дату для констатирования окончательной потери зрения у Джона Мильтона. В своём письме к другу, датированному сентябрём 1654 года, он сообщает, как на протяжении нескольких лет он чувствовал, как его зрение становилось слабее и слабее, как свет «затухал в постоянной темноте, как это происходит сразу после погасшей свечи».

В 1653 году Мильтон овдовел. Жена оставила его слепым, с тремя детьми, все девочки, младшей было всего два года, старшей – не более восьми. В этих обстоятельствах он вступил в свой второй брак. Мисс Вудкок была дочерью капитана Видкока из Хакни. Вместе с Катриной Вудкок Мильтон испытал счастье в своей семейной жизни, которого он не надеялся найти до встречи с Катрин. Дети выказывали также признаки улучшения своих способностей под её влиянием. К сожалению, этот луч света, осветивший и обогревший жизнь поэта, был короток от природы. После пятнадцати месяцев супружества, его супруга умерла во время рождения ребёнка вместе с новорожденным. Этот изумительно прекрасный сонет выражает чувства Мильтона, не желающего забыть свою

прекрасную жену:

Я поминаю мою поздно повитую святую
Принесённую мне как Альцеста из могилы,
Которую великий сын Джова отдал счастливому мужу,
Спасённую от смерти силой, пусть бледной и слабой.
Моя, как та, которую омытую после рождения ребёнка,
Очищение в древнем законе спасло,
Такой, ещё раз мне доверено лицезреть
Весь образ её на небесах, без границ,
Пришедшая вся в белом, чистом как её сознание:
Её лицо под вуалью, но для моего взора
любовь, сладость, добро её личности светились
Так ясно, как чешуя плотвы, только ещё более ярко.
Только, о! лишь только она попыталась меня обнять,
Я проснулся; её след простыл; и день принёс обратно мою
ночь.

(перевод Арк. Штейнберга)

*Methought I saw my late-espoused saint
Brought to me, like Alcestis, from the grave,
Whom Jove's great son to her glad husband gave,
Rescued from Death by force, though pale and faint.
Mine, as whom washed from spot of child-bed taint,
Purification in the old law did save,*

*And such, as yet once more I trust to have
Full sight of her in heaven without restraint,
Came vested all in white, pure as her mind:
Her face was veiled; yet to my fancied sight
Love, sweetness, goodness in her person shined
So clear, as in no dace with more delight.
But, oh! as to embrace me she inclined,
I waked; she fled; and day brought back my night.*

(текст стихотворения цитируется по *The Complete Poetry and Essential Prose of John Milton*)

Третий брак и последние дни Джона Мильтона

Восемь лет прошло перед тем, как Мильтон заключил брак в третий раз. После своего бегства от преследований нового режима Реставрации в Бартоломью Клоуз, Мильтон вернулся в 1664 обратно в Лондон и поселился в доме на Джуин Стрит, где он отметил свой брак с Елизабет Миншул, дочерью мистера Роберта Миншула из Вистастона, около Нанвич, в Чeshire. Мильтону было 56, его супруга была на тридцать лет младше его. К тому времени его старшей дочери минуло 18, средней – 16. После заключения брака Мильтон переехал в дом на Банхил Филдз. В 1665 году Лондон постигает эпидемия холеры и Мильтон с семьёй спаса-

ются бегством в свой летний дом в Чалфонте, что в Бакин-хамшире. К этому времени он закончил, или почти закончил работу над рукописью к «Потерянному Раю».

Переждав холеру в относительной безопасности, Джон Мильтон вернулся в Лондон, в свой дом на Банхил Филдз, где его настигла смерть 8 ноября 1674 года. Его останки были погребены рядом с его отцом в капели церкви Святого Жильса, что в Криплгэйт.

Замысел библейской эпики

Наиболее ранние упоминания о намерении Мильтона писать эпическое произведение можно проследить обратно к его путешествию по Европе. В продолжении восьми или десяти лет после этого тема возникает в сознании поэта и вдохновляет его к написанию. Ранняя попытка была задумана как драма. Довольно удачно то, что такая форма была оставлена достаточно скоро, так что ему не пришлось сетовать о потерянном времени. Законченный манускрипт «Потерянного Рая» был передан в руки другу поэта Элвуду в Чалфонте перед тем, как Милтон решил вернуться в Лондон после эпидемии холеры в 1666 году. В 1667 году «Потерянный рай» был опубликован. К этому времени большая часть «Обретённого Рая» была также завершена во время пребывания в Чалфонте и избежала горестной участи многих документов, сгоревших в знаменитом пожаре Лондона 1666 года. В 1671 году первое издание «Обретённого Рая» увидело свет.

По мнению Мильтона, более ранние части Писания нашли своё воплощение в более поздних. «Потерянный Рай» не основан на истории создания как таковой, поэма покоится, в согласии в богословием семнадцатого века, на Писании как одном целом. Во времена Мильтона Библия воспринималась как сокровище, которое было потеряно и обретено вновь. Библии принадлежала особая ценность: вера, которая

порождалась от соприкосновения с ней, была простой, серьёзной и неизменной. Именно через Библию поэт принял своё божественное крещение – крещение, которое было возобновлено и углублялось день ото дня. Его эпическая поэма и предстаёт перед читателем в этом виде, – не как военная или романтическая история, но как религиозное и богословское признание.

Персонажи эпики

Сатана не является главным героем «Потерянного Рая», как считают многие критики. Важнейшее место не принадлежит и Адаму – это место занимает Мессия. В этой связи необходимо признание того, что для сохранения симметрии, которая была задумана Мильтоном для Мессии как главного героя, необходимо было добавление «Обретённого Рая», завершающего «Потерянный Рай». «Потерянный Рай» сам по себе представляет читателю эпические элементы конфликта, страдания, отщепености; однако же персонаж, который задуман именно как воплощение этих идей страдания и триумфа над ним, не занимает должного ему места в тех сценах, развивающихся перед читательским внутренним взором. Необходимо следовать за ним из одной поэмы в другую, чтобы узреть его в надлежащем контексте более широкой картины и более охватывающих событий.

Ангелы, которых читатель встречает в Писании, похожи на людей, однако в то же время они более эфемерны: они парят в воздухе, проходят сквозь огонь, проникают в тюремные казематы, оставаясь непроницаемы для физической материи. Так же и их места пребывания не поддаются человеческому восприятию. Библия одалживает поэту как свою главную тему, так и форму выражения, в которой читатель имеет возможность представить себе как может выглядеть рай или ад. Небеса Мильтона описывают перед читателем землю, но его земля становится возвышенной и более эфемерной в своём величии, покрытая более сверкающей, всеобъемлющей и мистической красотой. Его ад соединяет между собой тёмные и ужасные тени, которые могут встретить читателя в реальном мире, но темнота ада выглядит темнее, а ужасы ада оказываются более ужасными, чем в действительности. Лишь воображение, достигшее высшей степени самоосознания, способно добиться такого успеха в описании подобных тем.

В отношении множественности других персонажей, можно задаться вопросом, сколько персонажей было бы достаточно для такого рода эпопеи. Среди многочисленных положительных персонажей на небесах, среди не менее представительных отрицательных лиц в аду, – нюансы в разработке характеров просто впечатляющи. Абдиель не выглядит как клон Габриеля, так же как и Михаил не является копией Рафаеля; разница между Молохом и Белиалем, между

Маммоном и Бельзевубом впечатляет. Все персонажи имеют возможность выразить своё мнение. Сам Сатана – в силу своего непревзойдённого интеллекта, своей сердечной гордыни, своей силы воли – занимает особое место, в стороне от остальных и над всеми. Он – непревзойдённый настолько, что охватывает читателя чудесными чарами на протяжении первых строф поэмы. Однако это очарование быстро испаряется. По мере драматического развития, сочувствие к его судьбе уступает место чувству отвращения и отстранённости. Должно также помнить, что усилия Сатаны не прошли незамеченными. Для ума, который затронут его моральным злом, становится естественным и само собой разумеющимся, что то сопротивление, которое Великий Господь не пресёк на корню, является тем сопротивлением, которое сильнее чем Его власть.

Критические замечания

Некоторые места в поэме кажутся всё же уязвимыми для критического комментария. Представление божественных персонажей в прямом диалоге друг с другом перед читателем могут быть именно такими местами. То же можно сказать и относительно аллегорических фигур, Греха и Смерти, хотя во многих письмах различных поэтов выражен восторг именно касательно этих представлений. Упоминание этих

уязвимых мест констатирует тот факт, что произведение не абсолютно свободно от огрехов. Но после упоминания этих критических элементов, необходимо также иметь ввиду, что слепота Мильтона во время написания поэмы не позволяла ему сохранять идеальный обзор над создающимся произведением, текстовые несуразности или сноска на библейские и классические тексты, грешащие несоответствием с оригиналом, имеют причиной тот факт, что во многих случаях Мильтон был вынужден опираться на свою память и был не в состоянии соотнестись с оригинальными источниками для их прочтения.

«Потерянный рай»

Замысел и издание

Первое издание «Потерянного рая» от 1667 года содержало десять книг. В 1674 году, после некоторых изменений, второе издание содержало уже двенадцать книг, каждая из которых сопровождалась прозаическим вступлением, содержащим короткий синопсис или аргументацию. Поэтический текст составляет почти одиннадцать тысяч строф. Задумывая свой эпический труд, Мильтон обратился сначала к исторической теме короля Артура, но позднее изменил свой план и решил написать эпическую драму на библейскую тему под названием «Адам изгнанный из рая» (*Adam Desparadiset*), однако и эта идея претерпела изменение в пользу библейского эпического повествования, которое стремилось бы, по его словам, «выделить божественное провидение и оправдать божественные пути, задуманные для людей». Чтобы разъяснить божественное провидение, Мильтон делает попытку сделать проявления этого провидения понятными для людей.

Эпические условности

В соответствии с условиями эпического повествования, поэт открывает свою поэму прямо посреди происходящих событий (*media res*). Героизм является одной из условностей эпики, которая используется Мильтоном в преобразованной форме. Другая условность – обращение к музе – не получает своего ясного описания, – это может быть Святой Дух, но может быть и более обобщённый дух доброты. Местами Мильтон намекает на классическую музу эпической поэзии, Уранию. Однако обращение к ней не является целью описать её как источник вдохновения, но скорее как символ, или формальный тип еврейско-христианской музыки, через которую божественное слово сообщается пророкам или воплощается в Иисусе для проповеди среди людей. Третья условность – включение мифических существ в действия, происходящие в эпическом повествовании, – например, когда божественные силы посылают Рафаэля предупредить Адама и Еву об опасности, грозящей со стороны Сатаны, или когда Сын снисходит в Рай как судия людской после их грехопадения. В видении Адамом будущего подчёркивается роль Сына как воплощённого Христа и его спасительное служение. Нисхождение в загробный мир – четвёртая условность эпики – происходит уже в первой книге поэмы, где повествуется о наказании падших ангелов в аду. Пятая условность – отно-

шения между любовью и войной. Любовь между Адамом и Евой до и после изгнания из Рая описана как центральная тема поэмы, но наиболее впечатляющий пример любви выказывает Сын в своём самопожертвовании за падшее человечество. Ведение войны описано с грандиозным размахом, когда добрые и недобрые ангелы бросаются в сражение друг против друга, или когда Сын изгоняет Сатану и его сообщников с небес. Однако эпика Мильтона развивает и другую форму борьбы, – переживание человеком искушения, после того, как Сатана камуфлирует свои злые намерения под маской дружбы и помощи. Наконец, обширные сравнения и перечисления, встречаемые в «Потерянном раю», являют собой шестую условность эпического жанра. В Книге Первой Сатана, который был низвергнут с небес в ад, оказывается в озере, полном огня вместо воды. Рассказчик сравнивает на протяжении нескольких строф впечатляющие размеры Сатаны с размерами Титана. Далее в Книге Первой, в описании ангелов, восстающих из огненного озера, используется эпический каталог для перечисления их имён как фальшивых божеств, чьим идолам поклонялись языческие культуры, населяющие в Малую Азию. Как сравнения, так и каталоги открывают через более пристрастное чтение вид на другие, пусть и относительные, аспекты эпического жанра, а точнее латинскую дикцию и периодическую структуру предложений, которые через использование белого стиха создают величественный ритм, ощущение грандиозности проис-

ходящего, а порой и возвышенность.

Особенности построения

Каждая книга поэмы вносит свой вклад в грандиозный замысел Мильтона, но вместе с тем, каждая книга имеет также и свои особенности. Книга Первая начинается с обращения, похожие обращения имеют Книги Третья, Седьмая и Девятая. Во всех четырёх случаях поэт обращается за божественным вдохновением или помощью с тем, чтобы начать или продолжить своё эпическое повествование. Такое обращение делает также возможным для рассказчика представить себя читателю, объявить о надеждах относительно происходящего, или напомнить предыдущее развитие сюжета. Так, в обращении Книги Первой, когда рассказчик молит о вдохновении, это может сравниться с переживанием Моисея в его отношении к Господу. Топографические маркёры, включённые в обращение, – такие как горы Хорев и Синай – намекают на сцену, где Бог в своём откровении изъяснил своё пребывание Моисею и вручил ему скрижали с заповедями, или река Силос, где Христос исцелил слепого. Рассказчик косвенно переплетает еврейско-христианские ландшафты с местами, где обитают классические музы. Со своим внутренним взором, осенённым таким образом, рассказчик, а с ним и поэт, надеются описать события библейской истории. Вместе с тем, поэт приглашает к сравнению своего повествования с произведениями поэтов классической античности; од-

нако, по самоуверенному мнению Мильтона, его эпическая поэма, повествующая о высшей правде и толковании библейской истории, затмит эти произведения.

Книга Первая

Синописис

Первые две книги повествуют о результатах небесной войны, когда Сатана и его падшие легионы ангелов были низвергнуты в ад, место, где они заключены и вынуждены страдать посреди озера, полного расплавленного огня, наподобие вулканической лавы. В заключении Книги Первой Сатана разжигает дух падших ангелов, чтобы они вновь собрались под его начальством для продолжения войны против Бога, – силой или хитростью.

Комментарий

После призыва Сатаны рассказчик включает в своё повествование об аде описание вулканического гнева горы Этны, где великаны Титан, Тайфун и Бриарей заключены после того, как Джов метнул свои молнии в них, сравнивая Сатану с этими великанами.

[...] Приподнял он

Над бездной голову; его глаза
Метали искры; плыло позади
Чудовищное тело, по длине
Титанам равное иль Земнородным –
Врагам Юпитера! Как Бриарей,
Сын Посейдона, или как Тифон,
В пещере обитавший, возле Тарса,
Как великан морей – Левиафан,
Когда вблизи Норвежских берегов
Он спит, а запоздавший рулевой,
Приняв его за остров, меж чешуй
Кидает якорь, защитив ладью
От ветра, и стоит, пока заря
Не усмехнётся морю поутру,-
Так Архивраг разлётся на волнах,
Прикованный к пучине.

(здесь и далее цитаты к русскому тексту «Потерянного
Рая» даны в переводе Арк. Штейнберга)

(Книга Первая: 192–210)

*Thus Satan, talking his nearest mate,
With head uplift above the wave, and eyes
That sparkling blazed, his other parts besides
Prone the flood, extended long and large,
Lay floating many rood, bulk huge*

*As whom the fables name of monstrous size,
Titanian, or Earth-born, that warred on Jove;
Briareus, or Typhon, whom the den
By ancient Tarsus held; or that sea-beast
Leviathan, which God of all His works
Created hugest that swim the ocean stream:
Him, haply, slumbering on the Norway foam,
The pilot of some small night-foundered skiff,
Deeming some island, oft, as seamen tell,
With fixed anchor in his scaly ring,
Moors by his side under the lea, while night
Incests the sea, and wiced morn delays:-
So stretched out huge in length the Arch-fiend lay
Chained on the burning lake [...]*

(Здесь и далее оригинальный текст и нумерация строк «Потерянного Рая» цитируется по изданию 1881 года)

Вместе с другими аналогиями, добавленными к описанию ада, или Хедоса, почерпнутыми из классических источников, Мильтон добавляет также описание ада, взятое из «Божественной Комедии» Данте. Примером этому служит описание рассказчиком адского пламени, которое приносит мучения не принося света. Слова «Надежда никогда не приходит к тем, кто оказался здесь», описывающие судьбу падших ангелов, являются вариацией надписи над воротами ада

у Данте: «Оставь всякую надежду, вошедший сюда». Когда Сатана возвращает к жизни падших ангелов, в своей позе с распростёртыми над пламенным озером крыльями он напоминает голубя, парящего над бездной в момент созидания, или Сына (Книга Восьмая), стоящего над Хаосом чтобы произнести слова, которые воплотятся в созидании. Сатана похож также на Моисея, хотя и в форме пародии, который вывел свой народ от угроз и опасностей. Речи Сатаны пробуждают надежду в ангелах, которые поддались уже однажды искушению, но вместе с тем рассказчик предупреждает читателя о двойственности Сатаны. В своём внутреннем сознании этот архи-враг находится в отчаянии:

[...] Скорбь

Мрачила побледневшее лицо,
Исхлёстанное молниями; взор,
Сверкающий из-под густых бровей,
Отвагу безграничную таил,
Несломленную гордость, волю ждать
Отмщенья вожделенного. Глаза
Его свирепы, но мелькнули в них
И жалость и сознание вины
При виде соучастников преступных,
Верней – последователей, навек
Погибших; тех, которых прежде он
Знавал блаженными.

(Книга Первая: 600–608)

[...] *But his face*

Deep scars of thunder had intrenched, and care

Sat on his faded cheek, but under brows

Of dauntless courage, and considerate pride

Waiting revenge. Cruel his eye, but cast

Signs of remorse and passion, to behold

The fellows of his crime, the followers rather —

Far other once beheld in bliss – condemned

For ever now to have their lot in pain, [...]

Внутренняя борьба проявляется в обращении Сатаны к своим соратникам, которое он вынужден начать три раза из-за чувств, переполняющих его:

[...] Начав

Трикраты, он трикраты, вопреки

Гордыне гневной, слезы проливал,

Не в силах молвить. Ангелы одни

Так слезы льют.

(Книга Первая: 619–620)

Thrice he assayed, and thrice, in spite of scorn,

Tears, such as angels weep, burst forth: [...]

К концу Книги Первой падшие ангелы собираются во дворце под названием Пандемониум, чтобы обсудить план действий: вести ли войну против Бога силой или хитростью. С развитием этих дебатов Сатана представляется читателю не только как властитель подземного мира, но и как его мнимый бог.

Книга Вторая

Синопсис

Большая часть Книги Второй описывает собрание падших ангелов в аду. Вместо того, чтобы продолжать войну против Бога и преданных ему ангелов, было решено исследовать Землю, место, где обитают люди, недавно созданные Богом, и чья природа, которая слабее ангельской, делает их чувствительными и даёт возможность сокрушить или поработить их. Сатана, добровольно вызвавшийся исследовать Землю и её обитателей, проходит через ворота ада, которые охраняются двумя фигурами, Грехом и Смертью. Сатана путешествует через Хаос, останавливается на выпуклой внешней стороне вселенной и оттуда бросается вниз чтобы достичь Земли.

Комментарий

Книга Вторая начинается с описания Сатаны, сидящем на троне над остальными ангелами. Молох – первый, кто открывает обсуждение ведения войны против Бога. Молох – воинственный ангел и призывает свои войска взвиться к небе-

сам и использовать чёрный огонь, гром и молнии в качестве оружия. Несмотря на свой собственный призыв к действию, он, однако, признаёт, что его силы не смогут одолеть Бога. Разрушение небес и угроза спокойствию хоть и не будут военным триумфом, но послужат всё-таки возмездием, заключает Молох:

«[...]Прежний опыт подтвердил,
Что Небо мы способны сотрясти,
Вторгаясь непрерывно, и Престол,
Хотя и неприступный, и самой
Судьбою предназначенный Царю
Небесному, тревожить. Пусть победа
Немыслима, зато возможна месть!»

(Книга Вторая: 101–105)

[...]and proof feel

*Our power sufficient disturb his heaven,
And with perpetual inroads alarm,
Though inaccessible, his fatal throne,
Which, not victory, yet revenge.*

Белиаль, другой оратор, не принимает аргументы Молоха. Непризнание судьбы проигравшего является скорее проявлением трусости, а не храбрости, – аргументирует Белиаль. Более того, рассуждает он, бегство в пламенное озеро вовсе

не такое уж и непереносимое, если сравнить с их положением сразу после низвержения падших ангелов с небес, – это может служить подтверждением того, что Бог может смягчить свой гнев со временем. В этих условиях падшие ангелы имеют реальную возможность приспособиться к подземной жизни:

«[...] Ни хитростью, ни силой – с Ним ничем

Не совладать. Кто может обмануть

Всевидящее Око? И сейчас

Он, с высоты, провидит нас насквозь,

Над жалкими стремленьями смеясь,

Настолько всемогущий, чтоб разбить

Противников, настолько же премудрый,

Чтоб замыслы развеять хитрецов.

[...]

Прискорбна участь наша, но ещё

Не самая печальная; почесть

Её счастливой можно, и она

Не станет горше, если на себя

Мы сами злейших бед не навлечём! [...]»

(Книга Вторая: 188–193[...]196–203)

[...] for what can force or quile

With him, or who deceive his mind, whose eye

Views all things at one view? He from heaven's height

*All these our motions vain sees, and derides;
Not more almighty to resist our might,
Than wise to frustrate all our plots and wiles.*

[...]

*Better these than worse,
By my advice; since fate inevitable
Subdues us, and omnipotent decree,
The Victor will. To suffer, as to do
Our strength is equal, nor the law unjust
That so ordains: this was at first resolved,
If we were wise, against so great a Foe
Contending, and so doubtful what might fall.[...]*

Уводя внимание собравшихся в сторону от предстоящего решения продолжать войну против Бога, и призывая падших ангелов приспособиться к обстоятельствам, их окружающим, Белиаль устанавливает отправную позицию для третьего оратора, Моммона, который защищает создание царства ада:

«Зачем позолоченной кабалы
Нам добиваться – даже в Небесах?
В себе поищем блага. Станем жить
По-своему и для самих себя,
Привольно, независимо, – пускай
В глубинах Преисподней.»

(Книга Вторая 221–225)

*Besides what hope the never-ending flight
Of future days may bring, what chance, what change
Worth waiting: since our present lot appears
For happy, though but ill; for ill, not worst;
If we procure not to ourselves more woe.*

Чтобы перевести обсуждение обратно на основную тему, ведение войны, Бельзевуб, лейтенант Сатаны, вмешивается в дискуссию. Он насмехается над падшими ангелами, в особенности над Белиалем и Моммоном и называет их «принцами ада», чтобы подчеркнуть, на что направлены их энергия и внимание. В то же время он осознаёт, что если Молох, воинственный ангел, сомневается в военной победе, то никто не решится вести открытую войну против Бога. Следовательно, поднимает он предложение, высказанное ранее Сатаной, – Земля с её только что созданными обитателями должна быть исследована и побеждена силой или через искушение хитростью:

«[...] Путь на Небеса
Нам преграждён; Властитель там царит,
Уверенный в могуществе своём
Незыблемом. Быть может, новый мир
Находится на крайнем рубеже

Владений царских и его охрана
Поручена насельникам самим.
Здесь, может быть, удасться учинить
Нам кое-что: огнём пекельным сжечь
Мир новозданный или завладеть
Им нераздельно, жителей изгнав
Бессильных, как с Небес изгнали нас.
А если не изгоним, – привлечём
На нашу сторону; тогда их Бог
Врагом их станет; гневною рукой,
В раскаянье, свои же истребит Создания. [...]»

(Книга Вторая 358–370)

*[...]Though heaven be shut,
And heaven's high Arbitrator sit secure
In his own strengt, this place may lie exposed,
The utmost border of his kingdom, left
To their defence who hold it. Here perhaps
Some advantageous act may be achieved
By sudden onst, either with hell-fire
To waste his whole creation, or possess
All as our own, and drive, as we were driven,
The puny habitants. Or, if not drive,
Seduce them to our party, that their God
May prove their foe, and with repenting hand
Abolish his own works. [...]*

После описания опасностей, связанных с путешествием к этому недавно созданному миру, падшие ангелы в нерешительности стихают, и среди этого проявления страха перед неизвестностью Сатана выражает своё согласие на выполнение этой опасной миссии. Это решение, выглядящее добровольным, было однако результатом манипуляции со стороны Сатаны. Принимая во внимание, что враждебное отношение к Богу было решающим для создания впечатления, что падшие ангелы выступают как надеющиеся противники, а не как побеждённые враги, Сатана пробуждает в них возможность одержать победу на Земле, между небесами и адом. Выступая как добровольный разведчик, исследующий землю, он настаивает на том, чтобы его путешествие было без соратников. Запрещая другим, которые могли бы вдохновиться его решимостью, следовать за ним, он оставляет за собой все почести грядущей победы:

«[...] Хоть вы низвергнуты, займитесь домом,
Ведь здесь – ваш дом на время.
[...] А я пушусь в полет, за берега
Бесформенного мрака, чтобы всех
Освободить. Попытку предприму
Один; опасный этот шаг никто
Со мною не разделит!»

(Книга Вторая 456–460 [...] 461–466)

*[...]Go, therefore, mighty powers,
Terror of heaven, though fallen! intend at home —
While here shall be our home, – what best may ease
The present misery, and render Hell
More tolerable; [...]
[...] Intermit no watch
Against a wakeful Foe, while I abroad,
Through all the casts of dark destruction seek
Deliverance for us all. This enterprise
None shall partake with me. [...]*

У ворот ада Сатана встречает Смерть, которая напоминает приведение и которая преграждает ему путь. Рядом со Смертью стоит Грех – прекрасная женщина от пояса кверху, но ниже пояса – змея со смертельным жалом. Её изменённое тело служит предвестником телесных превращений самого Сатаны. Как аллегорическая фигура, Грех собирает в себе Сирсею Гомера и Ошибку Спенсера. Сирсея, или Киркея, является колдуньей, дочерью Хелиоса и Океаниды Персы. Она отравила своего мужа и бежала на остров Аиаиа. Одиссей остановился на этом острове по дороге домой из Трои и она родила ему трёх сыновей, Телегоноса, Аргиуса и Латинусаю. Спенсер описывает в своей поэме "Королева фей" Ошибку как персонаж, согласно традициям ренессанса представляющий змею, как отражение грехопадения, с ли-

цом и верхней частью тела представляющих девственницу.

До пояса – прекрасная жена,
От пояса же книзу – как змея,
Чьё жало точит смертоносный яд;
Извивы омерзительных колец,
Громадных, грузных, – в скользкой чешуе.
Вкруг чресел скачет свора адских псов;
Их пасти Церберские широко
Разинуты; невыносимый лай Терзает слух.

(Книга Вторая 650–656)

*The one seemed woman to the waist, and fair;
But ended foul in many a scaly fold
Voluminous and vast, a serpent armed
Withmortal sting. About her middle round
A cry of hell-hounds never-ceasing barked,
With wide Cerberian mouths, full loud, and rung
A hideous peal. [...]*

В своём обличии и в своём отношении к Сатане, Грех и Смерть изображают библейскую историю, использующую образ рождения монстра, таким образом Грех и Смерть рождаются от вожелений и гордыни (Иаков 1:15). Упоминание о том, что Грех вышел из головы Сатаны, есть намёк на рождение Афины из головы Зевса. Появившийся Грех совокуп-

ляется в кровосмесительном акте с Сатаной, что и порождает Смерть. Таким образом Мильтон создаёт inferнальную трицу, где Смерть – порождение Сатаны и Греха – в свою очередь совокупляется со своей матерью, Грехом:

«Когда в кругу сообщников твоих,-
Мятежных Серафимов, – взор померк
Внезапно твой, мучительная боль
Тебя пронзила, ты лишился чувств,
И пламенем объятое чело,
Свет излучая, слева широко
Разверзлось, и подобная отцу
Обличьем и сияньем, из главы
Твоей, блистая дивной красотой
Небесною, во всем вооруженье,
Возникла я богиней. Изумясь,
В испуге отвернулась от меня
Спервоначалу Ангельская рать
И нарекла мне имя: Грех, сочтя
Зловещим знаменьем; потом привыкли:
Я им пришлась по нраву и смогла
Прельстить враждебнейших; ты чаще всех
Заглядывался на меня, признав
Своим подобьем верным, и, горя
Желаньем страстным, втайне разделил
Со мною наслаждения любви.

Я зачала и ощутила плод
Растущий в чреве.

[...]В моей утробе оплодотворённой,
Разросшейся, почувствовала я
Мучительные корчи, боль потуг
Родильных; мерзкий плод, потомок твой,
Стремительно из чрева проложил
Кровавый путь наружу, сквозь нутро,
Меня палящей пыткой исказив
И ужасом – от пояса до пят.
А он, моё отродье, лютый враг,
Едва покинув лоно, вмиг занёс
Убийственный, неотвратимый дрот.
Я прочь бежала, восклицая: Смерть!

[...]Я мчалась; он – вослед (сдаётся мне:
Сильнее любострастьем распалён,
Чем яростью); испуганную мать
Настиг, в объятья мощно заключив,
Познал насильно. Эти псы – плоды
Преступного соития.»

(Книга Вторая 750–767 [...] 778–787 [...] 790–796)
*[...] when at the assembly, and in sight
Of all the seraphim with thee combined*

*In bold conspiracy against Heaven's King,
All on a sudden miserable pain
Surprised thee; dim thine eyes, and dizzy swum
In darkness, while thy head flames thick and fast
Threw forth; till, of the left side opening wide,
Likest to thee in shape and countenance bright,
Then shining heavenly fair, a goddess armed,
Out of the head I sprung. Amazement seized
All the host of heaven; back they recoiled afraid
At first, and called me Sin, and for a sign
Portentous held me; but, familiar grown,
I pleased, and with attractive graces won
The most averse, thee chiefly, who full oft
Thyself in me thy perfect image viewing,
Became enamoured, and such joy thou took'st
With me in secret, that my womb conceived
A growing burden. [...]*

*[...] but long I sat not, till my womb,
Pregnant by thee, and now excessive grown,
Prodigious motion felt, and rueful throes.
At last this odious offspring whom thou seest,
Thine own begotten, breaking violent way,
Tore through my entrail, that, with fear and pain
Distorted, all my nether shape thus grew
Transformed. But he my inbred enemy
Forth issued, brandishing his fatal dart,*

*Made to destroy. I fled, and cried out Death! [...]
I fled; but he pursued – though more, it seems,
Inflamed with lust than rage – and, swifter far,
Me overtook, his mother, all dismayed,
And in embraces forcible and foul
Ingendering with me, of that rape begot
These yelling monsters, that with ceaseless cry
Surround me, as thou sawest; [...]*

Оставшаяся часть книги описывает полёт Сатаны над Хаосом и служит своего рода анти-климаксом.

Обращение к музе в Книге Второй, как и в Книге Первой, является зовом поэта к свету или ясновидению, которые помогут ему поведать о событиях, свершившихся на небесах. После описания путешествия через Хаос к выпуклой бездне вселенной слепой поэт сравнивает себя с соловьём, поющим в ночи. Он упоминает много топографических элементов – горы и реки, связанные с классическом или еврейско-христианском образом вдохновения, с чем читатель уже знаком из Книги Первой. Основываясь на предыдущем обращении, где Мильтон устанавливает сравнительные отношения с классическими эпическими писателями, он также признаёт в этом обращении своё стремление к славе, которая могла бы сравниться со славой слепого Гомера или Тамируса, слепого тракийского песенника. Как же и слепые пророки классической античности, Тиресий и Финей, поддерживают

рассказчика в том, что его физический недуг уравновешивается даром внутреннего ясновидения.

Книга Третья

Синопсис

Между тем, как Сатана отправился в своё путешествие через опасности Хаоса, Бог Отец и Бог Сын, сидящие на троне в небесах в начале Книги Третьей, обзревают развитие действий своего противника. Знающие наперёд, что Адам и Ева пострадают через грехопадение, Отец и Сын обсуждают противопоставленные условия, вынесенные Справедливостью и Милостью. Сын предлагает себя как воплощение, через которое он будет способен пройти через унижения смерти и тем самым удовлетворить божественную справедливость. Его самопожертвование за род человеческий является в то же время свершением акта милосердия, который в силу этого свершения делает возможным спасение человечества.

Комментарий

Повествуя об обсуждениях, происходящих на небесах, рассказчик развивает структурные и тематические контра-

сты между Книгой Второй и Книгой Третьей, а кроме того и в отношении различий между Сатаной и Сыном:

С Престола наивысшего, Отец
Всемощный, глядя вниз, обозревал
Своё творенье и дела Своих
Созданий. Словно звезды, без числа
Толпясь вокруг Творца, Небесный сонм
Святой, при созерцанье Божества,
Блаженствовал безмерно. Сын Его
Единый одесную восседал,-
Господней славы образ лучезарный.

(Книга Третья: 51–64)

*Now had the Almighty Father from above,
From the pure Empyrean where he sits
High throned above all height, bent down to view:
About him all the sanctities of heaven
Stood thick as stars, and from his sight received
Beatitude past utterance; on his right
The radiant image of his glory sat,
His only Son. [...]*

Адское собрание, которое ставило своей целью падение человечества, уравнивается диалогом на небесах, который намечает план спасения. Если Сатана снедаем фунда-

ментальными грехами – ненавистью, завистью, гордыней, – то Сын предстаёт в обладании противоположных добродетелей – кротостью, послушностью, любовью и скромностью:

«[...] Человеком

Меня сочти; я, из любви к нему,

Твоё покину лоно; отрешусь

От славы, разделяемой с Тобой,

И за него умру охотно.»

(Книга Третья: 238–241)

Account me Man: I for his sake will leave

Thy bosom, and this glory next to Thee

Freely put off, and for him lastly die

Well pleased; [...]

Вмешательство Справедливости и Милости являются также центральными элементами диалога, который прерывается вопросом Отца: Кто среди ангелов «вызовется стать смертным» чтобы искупить человечество? Вопрос и тишина, сопровождающие его, перекликаются и по структуре, и по тематике с Книгой Второй, где Сатана, возвышаясь среди молчащих падших ангелов, вызывается преодолеть Хаос и отправиться на землю. После решения Сына умереть за человечество диалог продолжается, в нём обсуждается отказ Сына от своих привилегий и дальнейшие обсуждения теоло-

гии искупления.

Между тем, достигши лазейки во вселенной – там, где мир соединяется с небесами – Сатана бросается вниз. Сначала он достигает Солнца, где он выдаёт себя за второстепенного ангела, и выпрашивает у ангела Габриеля о пути к Земле. Затем Сатана приближается к земле и находит Эдем недалеко от горы Нифатес.

Книга Четвёртая

Синописис

В своём монологе в начале Книги, который приводит на память драматические корни эпического сказания, Сатана, достигший райского сада, оплакивает своё низвержение с небес и свою двойственную мораль в пробуждении фальшивой надежды среди своих сподвижников, которых он ввёл в заблуждение тем, что посеял среди них надежду об окончательной победе над Богом. Первый взгляд на Эдем, Адама и Еву, возбудили у него восхищение, которое, однако, быстро сменяется злобой и ненавистью к создателю и его созданиям. Подслушав разговор между Адамом и Евой, Сатана узнаёт, что Бог запретил им срывать плоды с определённого дерева с райском саду. В конце Книги Сатана прокрадывается во внутреннюю часть сада, где Адам и Ева спят. Сатана обращается в жабу, сидящую подле уха Евы, и проникает в её сон. После этого добрые ангелы, которые должны были охранять покой в саду, обнаруживают его. Сатана обретает свою форму ангела и вступает в спор с Габриелем, но, не обостряя спора в поединок, покидает Эдем.

Комментарий

Книга Четвёртая начинается с монолога Сатаны, речь, которой должна была открываться драма Мильтона «Адам изгнанный из рая». В этот момент повествования так называемая героическая природа Сатаны как архетипа бунтаря характеризуется его искренней осознанностью того, что его ниспровержению послужила его собственная амбиция. Его совесть заглушена его собственной гордыней, которая заставляет его похваляться перед другими ангелами и убеждать их в том, что они могут победить Бога:

Я, вознесённый высоко, отверг
Любое послушанье, возмечтал,
Поднявшись на ещё одну ступень,
Стать выше всех, мгновенно сбросить с плеч
Благодаренья вечного ярмо
Невыносимое. Как тяжело
Бессрочно оставаться должником,
Выплачивая неоплатный долг!
Но я забыл про все дары Творца
Несметные; не разумел, что сердце
Признательное, долг свой осознав,
Его тем самым платит; что, сочтя
Себя обязанным благодарить

Всечасно, в благодарности самой
Свободу обретает от неё.

(Книга Четвёртая: 49–57)

[...] *Lifted up so high*

I 'sdained subjection, and thought one step higher

Would set me highest, and in a moment quit

The debt immense of endless gratitude,

So burdensome; still paying, still to owe;

Forgetful what from Him I still received,

And understood not that a grateful mind

By owing owes not, but still pays, at once

Indebted and discharged; [...]

Его примирение с Богом, если бы это было возможно, неминуемо привело бы к очередному его низвержению по причине его амбиций:

[...] Пусть

Я даже покорюсь и обрету

Прощенье и высокий прежний чин;

С величием бы ко мне вернулись вновь

И замыслы великие. От клятв

Смиренья показного очень скоро

Отрёкся б я, присягу объявив

Исторгнутой под пытками.

(Книга Четвёртая: 93–99)

*But say I could repent, and could obtain,
By act of grace, my former state; how soon
Would height recall high thoughts, how soon unsay
What feigned submission swore! Ease would recant
Vows made in pain, as violent and void:
For never can true reconcilment grow
Where wounds of deadly hate have pierced so deep [...]*

Таким образом, Сатана становится прототипом окаменелого грешника. Когда он преобразуется в разных животных – баклана, других хищников, жабу, наконец в змею – эта деградация довольно впечатляюще контрастирует с его предыдущими высокомерными выступлениями.

Сатана обзирает Адама и Еву и замечает схожесть между ними и их создателем, размышляет о дополняющих друг друга отношениях между мужской и женской природой, узнаёт о божественном запрете вкушать от дерева мудрости, подслушивает рассказ Евы о её происхождении, особенно принимая во внимание тот факт, что её привлекает её собственное отражение на глади озера:

«[...] к воде

Склонясь зеркальной, увидала в ней
Навстречу мне склонённое лицо.

Мы встретились глазами. В страхе я
Отпрянула; виденье в тот же миг
Отпрянуло. Склонилась я опять
Прельщённая, – вернулось и оно,
Мне отвечая взглядами любви
И восхищенья.»

(Книга Четвёртая: 460–465)

*As I bent down to look, just opposite
A shape within the watery gleam appeared,
Bending to look on me; I started back,
It started back; but pleased I soon returned,
Pleased it returned as soon with answering looks
Of sympathy and love. [...]*

Ведомая от созерцания своего отражения Богом, она
встречает Адама, с которым она вступает в брак:

«Я предалась тебе и с той поры
Узнала, что мужской, высокий ум,
Достоинство мужское – красоту
Намного превосходят; поняла,
Что истинно прекрасны – лишь они!»

(Книга Четвёртая: 489–491)

[...] I yielded; and from that time see

*How beauty is excelled by manly grace,
And wisdom, which alone is truly fair.*

С самого начала их взаимоотношений она признаёт своё пониженное по отношению к Адаму положение, где красота побеждена мужественной привлекательностью:

«– От тебя
И для тебя родясь, я плоть от плоти
Твоей. Существованью моему
Нет смысла без тебя. Ты – мой глава,
Мой вождь.»

(Книга Четвёртая: 635–638)

*My author and disposer, what thou bidd'st
Unargued I obey; so God ordains:
God is thy law, thou mine: to know no more
Is woman's happiest knowledge, and her praise.*

Эпитеты, которые она использует чтобы обратиться к нему – «автор» или «распорядитель» – подтверждают это отношение, вместе с её другими высказываниями – «Бог есть твой закон, ты – мой».

Книга Пятая

Синопсис

В начале Книги Пятой Ева рассказывает свой сон Адаму. Во сне Сатана, представляющий из себя доброго ангела, приводит её к запретному дереву, срывает с него плод и предлагает Еве сделать то же. Адам успокаивает Еву, поясняя ей, что её поступки во сне невинны, потому что это происходило не наяву и её разум дремал. Он поучает Еву о том, чтобы она не поступала как во сне, когда она наяву. В следующей сцене Книги Бог посылает ангела Рафаэля к Адаму и Еве с предупреждением о кознях Сатаны, который замышляет их грехопадение. В разговоре с Рафаэлем, Адам спрашивает о войне на небесах, и Рафаэль рассказывает ему о событиях, приведших к этой войне.

Комментарий

Когда Ева в начале Книги Пятой вспоминает свой сон, читателю становится ясно, что Сатана использует её слабости: её склонность к гордыне, её склонность к самолюбванию и

себялюбюю, которые могли бы поднять её выше Адама, если их раздуть до преувеличенных размеров. Эпитеты, с которыми соблазнитель обращается к Еве в её сне – «ангел Ева», «богиня» – рассчитаны именно на то, чтобы раздуть её самолюбие и гордыню, – те самые чувства, которые привели и самого Сатану к падению:

«Так подойди,
Сияющее ангельской красой
Блаженное созданье! Причастись
И ты со мной! Счастливая теперь,
Ты можешь быть счастливей во сто крат,
Хоть не прибавишь новых совершенств,
Вкуси! В кругу богов – богиней стань,
Землёй не скованная, воспарь,
Нам уподобясь, взвейся в Небеса,
Которых ты достойна, и взгляни
На жизнь божеств, – ты так же заживёшь!»

(Книга Пятая: 74–81)

*Here, happy creature, fair angelic Eve!
Partake thou also: happy though thou art,
Happier thou may'st be, worthier canst not be,
Taste this, and be henceforth among the gods
Thyself a goddess, not to earth confined,
But sometimes in the air, as we; sometimes*

*Ascend to Heaven, by merit thine, and see
What life the gods live there, and such live thou.*

Как сам Сатана восстал против иерархического отношения к Богу, так и Ева соблазняется восстать против своего подчинённого положения в отношении Адама.

Посещение ангела Рафаэля, спустившегося на Землю по велению Бога чтобы предуведомить Адама и Еву о хитростях сообразителя, делит Книгу на две части. В своём повествовании о иерархии, которая являет собой звено в цепи созидания, Рафаэль подчёркивает, что «с постепенной сублимацией плоти» человечество сможет через своё непрерывное послушание вознестись к небесам:

«В свой срок, возможно, люди перейдут
На пищу Ангельскую, не сочтя
Её чрезмерно лёгкой. При таком
Питанье, верно, станут их тела
Со временем субстанцией духовной
И нам в подобье, окрылясь, взлетят
В эфир; и по желанью – обитать
В Раю небесном будут или здесь.»

(Книга Пятая: 493–500)

*[...] Time may come when men
With angels may participate, and find*

*No inconvenient diet, nor too light fare;
And from these corporeal nutriments, perhaps,
Your bodies may at last turn all to spirit,
Improved by tract of time, and winged, ascend
Ethereal, as we; or may, at choice,
Here or in heavenly paradises dwell [...]*

Повествование Рафаэля является целенаправленным комментарием ко сну Евы, особенно в отношении соблазнения к неповиновению, а с другой стороны является также вступлением к рассказу Рафаэля о бунтарстве Сатаны и о том, каким образом Грех был порождён из заклятого врага. Причина восстания Сатаны лежит в так называемом зачатии Сына, которое относится не к его созданию как таковому, но к его новому положению «главы» в иерархии ангелов и его первенствующему представлению в форме и природе ангела:

«Один из первых, первый, может быть,
Архангел – по могуществу и славе,
Всевышним взысканный превыше всех,
Он завистью внезапной воспылал,
Затем, что Сына Бог-Отец почтил
Столь возвеличив, и Царём нарёк,
Помазанным Мессией. Гордый Дух
Снести не мог соперничества, счёл
Себя униженным; досада в нем

И злоба угнездились глубоко [...]»

(Книга Пятая: 662–666)

[...] *He of the first,*

If not the first Archangel, great in power,

In favour and pre-eminence, yet fraught

With envy against the Son of God, that day

Honoured by his great Father, and proclaimed

Messiah, king anointed, could not bear

Through pride that sight, and thought himself impaired.

Deep malice thence conceiving and disdain [...]

Последняя причина наиболее болезненна для Сатаны, поскольку ненависть и зависть распалются в нём по причине его подчинённости созданию, каким Сын является в толковании Мильтона, а также по причине его вновь приобретённой внешней форме ангела. Собрав множество ангелов в северной части небесного свода под предлогом празднования зачатия Сына, Сатана заявляет, что этот акт Бога явился унижением ангельской чести. Один из ангелов, Абдиель, отрицает заявление Сатаны. Он замечает, что явление Сына в облики ангела является не унижением божественности, но наоборот, возвышенности ангельской природы:

«[...] разве ты

Себя, – преславный, превеликий, – мнишь,

И совокупно весь Небесный сонм,-
Сравнимыми с Единородным Сыном,
Творящим Словом, коим Бог-Отец
Все мирозданье создал, в том числе
Тебя и Духов Неба, увенчав
Сияньем славы ангельских чинов,
Нарёк прославленные имена
Престолов, Сил, Властей, Начал, Господств.
Он, царствуя, не омрачит их блеск,
Но возвеличит, если наш Глава
К нам снизойдёт и станет с нами в ряд.
Закон Господень – это наш закон.
Монарху воздаваемый почёт
На нас же обращается.»

(Книга Пятая: 822–837)

*[...] Shalt thou dispute
With Him the points of liberty, who made
Thee what thou art, and formed the Powers of heaven
Such as he pleased, and circumscribed their being?
Yet, by experience taught, we know how good,
And of our good and of our dignity
How provident he is; how far from thought
To make us less, bent rather to exalt
Our happy state, under one head more near
United. But to grant it thee unjust,*

*That equal over equals monarch reign:
Thyself, though great and glorious, dost thou count,
Or all angelic nature joined in one,
Equal to Him begotten Son, by whom
As by his word, the mighty Father made
All things, even thee [...]*

Аргументы Абдиеля предваряют воплощение Сына, который соединит свою божественную природу с человеческой. В обоих проявлениях, когда Сын являет себя в более низкой форме, божественная забота как об ангелах, так и о людях является наиболее важным содержанием.

Книга Шестая

Синопсис

Книга Шестая описывает в подробностях, каким образом произошло сражение между добрыми и злыми ангелами. Отдельные поединки, такие, как между Сатаной и архангелом Михаилом, описаны с живописными деталями. После ожесточённой битвы ни одна из сторон не могла объявить себя победителем, что явилось причиной вмешательства божественных сил. Бог Отец повелевает Сыну изгнать бунтарских ангелов с небес. Снарядив колесницу и вооружившись молниями, Сын устремляется против недобрых ангелов, меча против них своё оружие. Преследуемые ангелы бросаются с небесной бездны, чтобы избежать штурмующей их колесницы с гневным Сыном, и низвергаются в ад.

Комментарий

Повествованию о сражении между ангельскими армиями с Сатаной во главе злых ангелов, который ведёт их в трёхдневную битву, посвящена треть Книги. Характерные

для эпического повествования описания сражений включают в себя индивидуальные поединки между Сатаной и Абдиелем, Сатаной и Михаилом, не забывая грандиозные панорамы сражений между многочисленными армиями ангелов. По окончании третьего дня создаётся ситуация, которая предвосхищает прославление восставшего из мёртвых Христа, когда Сын, становясь орудием гнева Отца, направляет свою колесницу против злых ангелов:

«Все Мои возьми

Доспехи: стрелы молний, грозный гром –

Оружие победы; препояшь

Мечом бедро могучее! Гони

Исчадья тьмы за рубежи Небес,

Низвергни в глубочайшую из бездн,

Да ведают, коль сами так желали,

Как Бога отвергать и как Царя

Законного – Мессию презирать!»

(Книга Шестая: 712–718)

[...]bring forth all my war,

My bow and thunder; my almighty arms

Gird on, and sword upon thy puissant thigh;

Pursue these sons of darkness, drive them out

From all heaven's bounds into the utter deep;

There let them learn, as likes them, to despise

God, and Messiah, his anointed King.

Его штурм, сопровождающийся молниями и ураганом, намекает на колесницу Бога из Книги Пророка Иезекииля:

И Колесница Божества Отца
В густом огне, как буря, понеслась,
Не силою колёс, одно в другом
Вмещавшихся, но движимая Духом;
Её сопровождая, по углам
Четыре следовали Херувима
Четвероликих; словно роем звёзд,
Усеяны их крылья и тела
Очами, и берилловых колёс
Ободья, – сплошь в очах, – металы огонь.

(Книга Шестая: 749–756)

*[...] Forth rushed with whirlwind sound
The chariot of Paternal Deity,
Flashing thick flames, wheel within wheel undrawn,
Itself instinct with spirit, but convoyed
By four cherubic shapes. Four faces each
Had wondrous; as with stars, their bodies all,
And wings, were set with eyes; with eyes the wheels
Of beryl, and careering fires between [...]*

Книга Седьмая

Синопсис

И опять, по просьбе Адама, ангел Рафаэль повествует о семи днях создания мира, выделяя роль Сына, который по повелению Отца совершает действия, в результате которых космос является быть, включая Землю и многочисленные создания на ней, самым замечательным из которых является человек. Это повествование занимает всю Книгу Седьмую.

Комментарий

После описаний устрашающих божественных сил в небесной войне Рафаэль привносит равновесие в поэму, описывая в Книге Седьмой добродетельного и созидательного Бога. Однако перед этим рассказчик обращается к читателю и направляет внимание читателя на незавершённость произведения как выражение того, что его вдохновение было прервано, или даже что ему самому угрожает опасность:

Я жертва злоречивых языков,

Во мраке прозябаю, средь угроз
Опасных, в одиночестве глухом.

(Книга Седьмая: 26–28)

*On evil days though fallen, and evil tongues;
In darkness, and with dangers compassed round,
And solitude [...]*

Возможно, через своего рассказчика Мильтон намекает на своё положение преследуемого во время Реставрации, или на то, что его единомышленники и друзья заключили с новыми властями сделку, что его жизнь будет вне опасности, пока он придерживается определённых договорённостей. После этого обращения Книга Седьмая повествует о создании мира, перечисляя подробно каталоги созидания для того, чтобы подчеркнуть те многообразие, непрерывность и поступательность, в которых проявляется божественная доброжелательность:

Всеизждущее Слово изрекло:

«– Уймитесь, волны бурные! Смирись

И ты, пучина! Кончен ваш раздор!»

Сияя славой Отчей, Божий Сын

На Херувимских крыльях полетел

В глубь Хаоса, к несозданным мирам;

И Хаос внял Ему.

(Книга Седьмая: 216–221)

*Silence, ye troubled waves, and thou Deep, peace,
Said then the omnific Word, your discord end!
Nor stayed; but on the wings of cherubim
Uplifted, in paternal glory rode
Far into Chaos, and the World unborn;
For Chaos heard his voice. [...]*

Наиболее замечательными предстают взаимодействующие элементы созидания между мужественным и женственным принципами природы – например, описание лучей солнца устремляющихся оплодотворить землю, что, в свою очередь, символизирует соединение Адама с Евой в их счастливом браке:

Уже Земля сложенье обрела,
Но, как в утробе недозрелый плод,
Была укрыта лоном вод; не зря
Округлую поверхность омывал
Безбрежный океан и, шар Земли
Смягчая, тёплой влагою поил
Питательной, в брожение приводя
Всеобщую родительницу – мать,
Чтоб, соки животворные вобрав,
Насытившись, она зачать могла.

(Книга Седьмая: 276–282)

*The earth was formed, but in the womb as yet
Of waters, embryo immature involved,
Appeared not; over all the face of earth
Main ocean flowed, not idle, but with warm
Prolific humour softening all her globe,
Fermented the great mother to conceive,
Satiated with genial moisture [...]*

От Книги Пятой через книгу Шестую и к Книге Седьмой и Восьмой – от зачатия Сына, через грехопадение Сатаны и небесную войну к повествованию о созидании мира – все эти эпизоды повествуются Рафаэлем с целью преподать наставление, направленное на отношения между Адамом и Евой. Следует тем не менее отметить, что повествование о созидании человека продолжает сам Адам в Книге Восьмой, где он рассказывает о первых моментах пробуждения своего сознания и о своём браке с Евой. Если Ева велась после своего создания голосом, а не явным пребыванием Господа, то Адам чувствовал явственно во время своего созидания первые ощущения тепла, идущие от солнечных лучей, затем он впал в сон и так во сне он был ведом «божественной фигурой» к холмам райского сада. После пробуждения он замечает среди деревьев своего «проводника» или «божественное бытие», которое обращается к нему: «Я есть тот, кого ты

искал»:

Скитаться вновь

Я стал бы наугад, но меж стволов

Явился Тот, кто ввёл меня сюда:

Воистину явилось Божество!

В благоговейной радости и страхе

Покорно я припал к Его стопам.

Подняв меня, Он кротко произнёс:

«— Я Тот, кого ты ищешь; [...]»

(Книга Восьмая: 290–298)

I then was passing to my former state

Insensible, and forthwith to dissolve.

When suddenly stood at my head a dream,

Whose inward apparition gently moved

My fancy to believe I yet had being,

And lived. One came, me thought, of shape divine,

And said, Thy mansion wants thee, Adam; rise,

First man, of men innumerable ordained

First father! Called by thee, I come thy guide [...]

Это откровение сравнительно с тем местом в Библии, где Господь вещает Моисею из пламенеющего куста на горе Хорреб. Осознание Адамом признания «неполноценности единственности» подвигает его испросить о своём помощнике,

который затем создаётся из стороны Адама:

Возможно ль обособленно вкушать
Отраду, наслаждаться одному
Дарами всеми и счастливым быть?
[...] Я ищу
Общения, где я делить бы мог
Духовные утехи;

(Книга Восьмая: 359–365)

*[...] how may I
Adore thee, Author of this universe,
And all this good to man? for whose well-being
So amply, and with hands so liberal,
Thou hast provided all things. But with me
I see not who partakes. In solitude
What happiness?*

Книга Восьмая

Синопсис

В Книге Восьмой Адам вспоминает свои первые моменты осознания бытия после созидания, свою встречу с Евой и их брак под благословением Бога. Рафаэль опирается на эти воспоминания Адама как на отправную идею о том, что Адаму следует сохранять свои отношения к Еве в той же форме, чтобы разум правил чувствами.

Комментарий

С самого начала своих отношений с Евой Адам переживает «чувство» и «странное ощущение», и это приводит к тому, что Рафаэль предостерегает его и увещевает его не терять контроль над своим разумом:

[...] Творец

От человека скрыл Свои пути

И небо от Земли Он отдалил,

Дабы самонадеянность людей

В предметах высочайших, для ума
Людского недоступных, потерялась
И не выгадывала б ничего.

[...] Не вини

Природу, что исполнила свой долг;
Заботься лучше о твоих делах,
Не сомневаясь в мудрости; она
С тобой пребудет, ежели ты сам
Не отвернёшься от неё, придав
Предметам, по суждению твоему,
Не слишком ценным, – непомерный вес.

(Книга Восьмая: 119–122 [...] 561–566)

*God, to remove his ways from human sense,
Placed heaven from earth so far, that earthly sight,
If it presume, might err in things too high,
And no advantage gain. [...]*

*Accuse not Nature, she hath done her part;
Do thou but thine, and be not diffident
Of wisdom; she deserts thee not, if thou
Dismiss not her, when most thou need'st her nigh,
By attributing overmuch to things
Less excellent, as thou thyself perceivest.*

Углубляя и объясняя иерархию между разумом и чувствами, разницу между любовью и вожделением, и лестницу,

или шкалу, по которой человек в состоянии вознестись на небеса, – Мильтон через Рафаэля соединяет здесь философию Платона с традиционным христианским богословием и укрепляет тот контекст, в котором следует понимать послушание и непослушание:

«Лестницей служить
Любовь способна, по которой ты
К любви небесной можешь вознестись,
Не погрязая в похоти.
[...] Итак, пребудь
Смиренномудрым: думай о себе,
О бытии своём; оставь мечты
Несбыточные о других мирах,
О тех, кто там живёт, о их судьбе
И совершенстве. Удовлетворись
Дозволенным познанием о Земле
И даже о высоких Небесах,
Которое тебе сообщено!»

(Книга Восьмая: 589–593 [...] 635–641)

[...] *Love refines*

*The thoughts, and heart enlarges; hath his seat
In reason, and is Judicious; is the scale
By which to heavenly love thou may'st ascent,
Not sunk in carnal pleasure [...]*

*[...] Take heed lest passion sway
Thy judgment to do aught which, else, free-will
Would not admit: thine, and of all thy sons,
The weal or woe in thee is placed; beware!
I in thy persecuting shall rejoice,
And all the blest. Stand fast; to stand or fall
Free in thine own arbitrement it lies.*

Книга Девятая

Синопсис

Книга Девятая драматизирует акт грехопадения, сначала Евы, а затем Адама. Ева работает в саду и удаляется от Адама, приближаясь к Сатане, который к этому времени приобрёл образ змея. Она следует за змеем к запретному дереву, где змей своим чарующим голосом соблазняет её вкусить фрукт. Сразу после случившегося змей исчезает. Ева находит Адама и даёт ему попробовать новый фрукт. Чувства одолевают разум Адама и он вкушает от фрукта.

Комментарий

Первые строфы Книги Девятой рассказывают о ранних намерениях Мильтона написать эпическую поэму, где «лишь героика была бы темой»: о «сказочных рыцарях», подобно деяниям короля Артура, – такая задумка была у поэта.

В качестве намёка на причину уклонения от этого эпического замысла Милтон предлагает рассказчику такую идею, что «лучше будет охватить терпение и героическое жерт-

вание», которое «не было воспето» до него:

Мне не дано
Наклонности описывать войну,
Прослывшую единственным досель
Предметом героических поэм.
Великое искусство! – воспевать
В тягучих, нескончаемых строках
Кровопролитье, рыцарей рубить
Мифических в сраженьях баснословных,-
Меж тем величье доблестных заслуг
Терпенья, мученичества – никем
Не прославляемо;

(Книга Девятая: 20–33)

*If answerable style I can obtain
Of my celestial patroness, who deigns
Her nightly visitation unimplored,
And dictates to me slumbering, or inspires
Easy my unpremeditated verse,
Since first this subject for heroic song
Pleased me, long choosing and beginning late,
Not sedulous by nature to indite
Wars, hitherto the only argument
Heroic deemed, chief mastery to dissect,
With long and tedious havoc, fabled knights,*

*In battles feigned – the better fortitude
Of patience and heroic martyrdom
Unsung [...]*

После этого обращения поэта к рассказчику повествование продолжается, в нём Сатана в образе змея произносит свой монолог «О, это отвратительное низвержение!», где он оплакивает своё поражение:

Все доброе – мне яд; но в Небесах
Я маялся бы горше. Не хочу
Ни там, ни на Земле ничем иным,
Лишь самодержцем быть, поработив
Царя Небес!

[...] Жаждающий достичь
Вершины власти должен быть готов
На брюхе пресмыкаться и дойти
До крайней низости.

(Книга Девятая: 122–125 [...] 169–171)

*[...] All good to me becomes
Vane, and in heaven much worse would be my state.
But neither here seek I, no, nor in Heaven,
To dwell, unless by mastering heaven's Supreme.
[...] Who aspires, must down as low
As high he soared, obnoxious, first or last,*

To basest things. [...]

Эта сцена предстаёт контрастом с описанием Сына, готового принять на себя природу и воплощение человека. Именно потому, что Сатана пользуется стратегией измены и предательства, он скрывает свою истинную природу за преобращениями; тогда как Сын, воплощаясь человеком, имеет целью раскрыть и завершить божественный план.

В своей первой речи к Адаму в Книге Девятой Ева предлагает, чтобы она и Адам «делили» их «рабочие обязанности», поскольку их обоюдная любовь отвлекает их от обязанности ухаживать за садом:

«Когда мы трудимся вдвоём,
Бок о бок, мудрено ли, что порой
Улыбку на улыбку, взгляд на взгляд
Меняем и заводим разговор
О разных разностях, а между тем
Наш труд, хотя и начатый с утра,
Не спорится, и ввечеру вкушаем
Мы трапезу, её не заслужив!»

(Книга Девятая: 220–225)

*For, while so near each other thus all day
Our task we choose, what wonder if, so near,
Looks intervene, and smiles, or object new*

*Casual discourse draw on, which intermits
Our day's work, brought to little, though begun
Early, and the hour of supper comes unearned?*

Адам противоречит её предложению, аргументируя тем, что именно когда они вместе, они «более мудрые, более осторожные, более сильные»:

«Не для тяжкого труда
Мы созданы; блаженство – наш удел,
Разумное блаженство, и поверь,
Объединись, мы оба не дадим
Заглохнуть кущам, зарости тропам
В черте прогулок наших, до поры,-
Её не долго ждать, – когда придут
К нам руки юные помочь в трудах.»

(Книга Девятая: 242–247)

*For not to irksome toil, but to delight,
He made us, and delight to reason joined.
These paths and bowers doubt not but our joint hands
Will keep from wilderness with ease, as wide
As we need walk, till younger hands ere long
Assist us. [...]*

Но не взирая на силу аргументов разума, Адам решает,

что Ева может идти одна, и ободряя её призывом «Иди», да ещё два раза, он, таким образом, слагает с себя ответственность за то, чтобы на правах супруга настоять на том, чтобы они были вместе – совет, который Ева была бы свободна принять или игнорировать:

«Но иди,
Коль ты уверена, что мы вдвоём
Противу искушения слабей
Окажемся, чем в одиночку ты,
Остереженная; пребыв со мной
По принуждению, стала бы тогда
Лишь более далёкой. Так, ступай
В невинности природной! Обопрись
На добродетель, силы напряги!
Бог все исполнил, – твой теперь черёд!»

(Книга Девятая: 370–375)

*But, if thou think trial unsought may find
Us both securer than thus warned thou seemest,
Go; for thy stay, not free, absents thee more;
Go in thy native innocence, rely
On what thou hast of virtue; summon all:
For God towards thee hath done His part, do thine.*

Тема правомерного совета возникает опять в заключении

Книги Девятой, когда в пылу обоюдных обвинений Ева укоряет Адама: «почему ты, будучи главой, не посоветовал мне ни в каком случае не покидать тебя...?». Договорившись встретиться с Адамом к полдню, Ева работает одна среди роз, подвязывая их пучками мирты. В этом кроется ирония, поскольку даже то, чем она занимается, должно было бы напомнить ей о её любви к Адаму, от которого она отдалена. Сатана выражает своё удовлетворение, застав её в уединении.

На мгновение Сатана очарован красотой Евы и охвачен «добротой до глупости» – выражение, долженствующее описать его потерю злонравия:

Зло на мгновенье словно отреклось
От собственного зла, и Сатана,
Ошеломлённый, стал на время добр,
Забыв лукавство, зависть, месть, вражду
И ненависть. Но Ад в его груди,
Неугасимый даже в Небесах,
Блаженство это отнял, тем больней
Терзая Сатану, чем дольше он
На счастье недостижное глядел;

(Книга Девятая: 862–869)

*That space the evil one abstracted stood
From his own evil, and for the time remained*

*Stupidly good; of enmity disarmed,
Of guile, of hate, of envy, of revenge.
But the hot hell that always in him burns,
Though in mid heaven, soon ended his delight,
And tortures him now more, the more he sees
Of pleasure, not for him ordained [...]*

В своём приближении к Еве змей-соблазнитель пытается воссоздать ту психологию восхождения, которую он начал создавать в её голове во время своего вторжения в сон Евы:

«О, прекрасного Творца
Прекрасное подобие! Тебе
Подвластно все живое; твари все
Тобой любуются и красоту
Небесную твою боготворят.»

(Книга Девятая: 538–541)

*Fairest resemblance of thy Maker fair,
Thee all things living gaze on, all things thine
By gift, and thy celestial beauty adore,
With ravishment beheld! [...]*

Притворяясь, что он преклоняется перед её красотой и превозносит её, Сатана исхитряется вменить Еве, что его способность находить верные и убедительные аргументы ис-

ходит от запретного плода. Выдавая Бога за «того кто угрожает», и за «того кто запрещает», и за того, кто запрещает другим попробовать фрукт из-за опасения чтобы эти другие не стали ему равными, змей-искуситель использует невнимательность Евы, манипулирует с её восприятием и таким образом направляет её волю:

«Разве умереть
Возможно от плода, – он даст вам жизнь
С познанием вместе, – или вас казнит,
Кто угрожал вам? На меня взгляни:
Я прикоснулся, я вкусил – и жив.
Мой тварный жребий превзойти дерзнув,
Я жизни совершеннейшей достиг,
Чем та, что мне была дана судьбой.»

(Книга Девятая: 686–691)

[...] *Ye shall not die.*

*How should ye? By the fruit? It gives you life
To knowledge. By the Threatener? Look on me,
Me, who have touched and tasted, yet both live,
And life more perfect have attained than fate
Meant me, by venturing higher than my lot.*

После того, как Ева вкусила фрукт, она испытывает на мгновение своё превосходство над Адамом, но страх того,

что смерть похитит её и что Адам «вступит в брак с другой Евой», заставляет её принять решение разделить фрукт с Адамом:

«Но как явлюсь к Адаму? Расскажу
О перемене? Стану ли я с ним
Делить моё блаженство или нет?
Не лучше ль преимуществом познания
Одной владеть и возместить изъян,
Присущий женщине, чтоб закрепить
Любовь Адама и сравняться с ним,
А может, кое в чем и превзойти?
Не зареклась бы! Низший никогда
Свободным не бывает! Хорошо,
Чтоб так сбылось! Но если видел Бог,
И я умру, исчезну, и меня
Не станет, и Адам найдёт жену
Другую, наслаждаться будет впрямь
С другою Евой, я же – истреблюсь?
Смертельна эта мысль! Нет, решено!
Адам со мною должен разделить
И счастье и беду.»

(Книга Девятая: 816–831)

[...] *But to Adam in what sort*

Shall I appear? Shall I to him make known

*As yet my change, and give him to partake
Full happiness with me, or rather not,
But keep the odds of knowledge in my power,
Without copartner? so to add what wants
In female sex, the more to draw his love,
And render me more equal, and, perhaps,
A thing not undesirable, sometimes
Superior; for, inferior, who is free?
This may be well. But what if God have seen,
And death ensue? Then I shall be no more!
And Adam, wedded to another Eve,
Shall live with her, enjoying; I extinct:
A death to think! Confirmed, then, I resolve,
Adam shall share with me in bliss or woe;*

Между тем Адам, дожидаясь Евы, сплетает для неё гирлянду из роз. Он неприятно поражён, узнав, что Ева преступила божественный запрет, и бросает в отчаянии свою гирлянду из роз на землю, которая вмиг увядает:

Адам, недвижимый, бледный, услышав
О Евином проступке роковом,
Застыл в молчанье. Ужас ледяной
Сковал его суставы, раскатясь
По жилам; ослабевшая рука
Венок из роз, для Евы им сплетённый,

Бессильно уронила, и цветы
Увявшие рассыпались в пыли.

(Книга Девятая: 888–894)

*[...] Adam, soon as he heard
The fatal trespass done by Eve, amazed,
Astonied stood and blak, while horror chill
Run through his veins, and all his joints relaxed;
From his slak hand the garland, wrethed for Eve,
Down dropt, and all the faded roses shed;
Speechless he stood and pale; [...]*

Эта драматическая деталь предвосхищает деяния смерти, которая вторгается в человеческое существование как следствие грехопадения Адама и Евы. Если Ева была обманута искушителем, то Адам был «побеждён женским очарованием», состояние, в котором разум уступает чувствам, именно об этом Рафаэль и выражал своё беспокойство в заключении Книги Восьмой:

*[...] не вняв
Рассудку, не колеблясь, он вкусил.
Не будучи обманутым, он знал,
Что делает, но преступил запрет,
Очарованьем женским покорён.*

(Книга Девятая: 997-1000)

*[...] he scrupled not to eat,
Against his better knowledge: not deceived,
But fondly overcome with female charm.*

Похожее на то фантастическое переживание, испытанное Евой во сне, Адам и Ева вместе переживают иллюзорное возвышение, которое завершается неожиданным низвержением:

*[...] мнилось им, что обрели
Божественность, что, презирая Землю,
Вот-вот на мощных крыльях воспарят.
Но действие иное произвёл
Обманный плод. Он плотские разжѐг
Желанья. Похотливо стал глядеть
Адам на Еву; алчно и она
Ответствовала.*

(Книга Девятая: 1009–1015)

*[...] and fancy that they feel
Divinity within them breeding wings,
Wherewith to scorn the earth. But that false fruit
Far other operation first displayed,
Carnal desire inflaming: he on Eve
Began to cast lascivious eyes; she him*

As wantonly repaid; [...]

С проявлением телесных вожделений их чувственные взаимоотношения контрастируют со взаимными проявлениями любви в их убежище среди роз. Охваченные неистовыми чувствами, Адам и Ева вступают в обоюдные обвинения, в которых они винят друг друга за своё грехопадение и оправдывают свою вину.

Книга Десятая

Синопсис

Книга Десятая начинается с сошествия Сына с небес для свершения суда над Адамом и Евой. Хотя они и изгоняются из рая, его милосердный суд, их раскаяние и божественное излияние благодати обращают их грешность к воссозданию. Сатана, между тем, направляется обратно в ад, где он встречает Грех и Смерть, которые присоединяются к нему. Он предлагает им отправиться на землю и взять человечество как свою добычу.

Комментарий

В начале Книги Отец посылает Сына на землю в двойственной роли, «как добрый судья и как защитник», чтобы Сын установил милосердную справедливость:

«[...] Кого пошлю судьёй? Тебя, Мой Сын
Соцарствующий, коему вручил
Я право суд вершить на Небесах,

Земле и в Преисподней. Усмотреть
Легко, что с Правосудьем пожелал
Я Милосердые сочетать, послав
Посредника и человеколюбца,
Согласного по доброй воле стать
Спасенья ради жертвою, при сём –
Спасителем, на Землю низойдя,
Вочеловечиться и воплотиться,
Чтоб Человека падшего судить»

(Книга Десятая: 55–62)

*But whom send I to judge them? Whom but Thee,
Vicegerent Son? To thee I have transferred
All judgement, whether in Heaven, or Earth, or Hell.
Easy it may be seen that I intend
Mercy colleague with justice, sending Thee,
Man's Friend, his mediator, his designed
Both Ransom and Redeemer voluntary,
And, destined Man himself, to judge man fallen.*

Не взирая на смертельное наказание, которое Адам и Ева обязаны понести, большее впечатление оставляет служение Сына делу поддержки в них осознания греховности, пробуждению в них скорби и покаяния с целью перерождения. Сатана находится в это время на обратном пути в ад, где он надеется отпраздновать вместе с падшими ангелами своё тор-

жество над человечеством. На своём пути он встречает Грех и Смерть, которые отправляются по его следу на землю. Сатана предлагает им как добычу Адама и Еву, а также их потомков:

«[...] вы сочетали Ад
И здешний мир в единый материк,
В единую империю с прямым
Удобным сообщением. Я спущусь
По вашему широкому пути
К союзным легионам, отнесу
Известье о великом торжестве
И с ними ликование разделю.
Тем временем вы следуйте стезе
Своей и меж бесчисленных шаров,
Отныне – ваших, низойдите в Рай
И завладейте, основавшись там,
Землëю, воздухом, но Человеком
Особенно, – ведь он провозглашён
Хозяином всего, что создал Бог.
Его поработите, а потом
Убейте. [...]»

(Книга Десятая: 389–402)

*[...] that so near heaven's door
Triumphal with triumphal act have met.*

*Mine, with this glorious work, and made one realm.
Hell and this world, one realm, one continent
Of easy thoroughfare. Therefore – while I
Descend through darkness, on your road, with ease,
To my associate Powers, them to acquaint
With these successes, and with them rejoice —
You two this way, among these numerous orbs,
All yours, right down to Paradise descend;
There dwell, and reign in bliss: thence on the earth
Dominion exercise, and in the air,
Chiefly on Man, sole lord of all declared.
Him first make sure your thrall, and lastly kill.*

Хотя Адам и Ева и продолжают винить друг друга в случившемся, они всё-таки признают ответственность за грехопадение. Не взирая на очевидные слабости и несовершенства, ни Адам, ни Ева не являются жертвами или победителями. Созданные «достаточно возвышенными чтобы стоять прямо, но свободные для падения», они одарены способностью противостоять искушению; однако, когда они всё-таки поддаются грехопадению, они не в состоянии подняться своими силами без божественного вмешательства. Их испытания, которые выявляют всеобщую человеческую уязвимость, являют также контекст, в котором проявляется христианский героизм эпики Мильтона. Когда героизм измеряется по отношению к человечеству, то он проявляет себя как

противостоящий искушению, как Леди-персонаж из драмы Мильтона «Комус», или как тот, кто, уже поддавшись искушению, всё-таки переживает восстановление. Драма Мильтона «Комус», или «Маска» была впервые разыграна в замке Людлов в 1634 году, в которой Комус, персонаж-искуситель, пытается соблазнить Леди используя силы некромантов.

Книги Одиннадцатая и Двенадцатая

Синопсис

В двух последних книгах повествуется о том, как ангел Михаил приводит Адама к вершине горы, с которой Адам сможет обозреть будущее. В пояснении Михаила, это видение представляет собой библейскую историю из Ветхого и Нового Заветов, где проявляется искупительное служение Иисуса и возможность спасения для человечества. Видение завершается сценой всеобщего пожара, долженствующего случиться в Судный День, как окончательного суда и последующего разделения спасённых и осуждённых.

Комментарий

В Книгах Одиннадцатой и Двенадцатой Адам переживает видение, которое он принимает за сон. Ангел Михаил толкует это видение, которое представляет собой панораму воплощения божественного замысла в человеческой истории:

«— Отверзи взор и прежде созерцай

Влиянье первородного греха
На некоторых из твоих сынов
Предбудущих. К запретному плоду
Они не прикасались и в союз
Со Змием не вступали, не грешили
Твоим грехом, но смертный яд греха
Их заразил и много за собой
Ужасных злодеяний повлечёт!»

(Книга Одиннадцатая: 423–428)

*Adam, now ope thine eyes, and first behold
The effects which thy original crime hath wrought
In some to spring from thee, who never touched
The excepted tree, nor with the snake conspired,
Nor sinned thy sin; yet from that sin derive
Corruption, to bring forth more violent deeds.*

Адам видит перед собой меняющиеся сцены из еврейской и христианской истории, где ветхозаветные пророки и патриархи, такие как Ной, Авраам, Исаак, Яков, Моисей и Исаяя, предстают как «теневые образы», предворяющие спасительную миссию воплощённого Сына. Описание ветхозаветных образов прерывается сценой, представляющей сеятелей зла, таких как деспот Нимрод. Циклическое взаимодействие между добром и злом, которое повторяется под присмотром Провидения, создают контекст, в котором послушание и ге-

роизм проявляют себя, а идеальным примером этого является Христос:

«[...] Сын Божий сопряжет
В единство – Человека с Божеством –
Не для того, чтоб твоего Врага
С удвоенною силой одолеть.
Не так повергнут будет Сатана,
Коль сброшенный с Небес, – а эта казнь
Смертельное любой, – не утерял
Способности смертельно уязвить
Тебя; но причинённое Врагом
Раненье совершенно исцелит
Грядущий твой Спаситель, сокрушив
Не Сатану, но все его дела
В тебе и отпрысках твоих; [...]»

(Книга Двенадцатая: 388–395)

«[...] *not, therefore, joins the Son
Manhood to Godhead, with more strength to foil
Thy enemy; nor so is overcome
Satan, whose fall from heaven, a deadlier bruise,
Dicaled not to give thee thy death's wound;
Which He, who comes thy Saviour, shall re-cure,
Not by destroying Satan, but his works
In thee, and in thy seed [...]»*

Толкование Святого Павла об Иисусе, послушном воле Отца до самой смерти на кресте и в действительности является примером христианского героизма и занимает по праву центральное место в видении Адама. Как приложение к этому образному представлению, видение истории человечества в этих двух заключительных Книгах приобретает апокалиптический характер, со вторым пришествием как центральной сценой, когда свершается окончательная победа над Сатаной и происходит последующее соединение обожествлённых душ с Богом в небесных сферах. Но более близким по восприятию для Адама и Евы является представление их истории от их изгнания из Эдема к изменению их понимания рая – от внешнего сада к «раю внутреннему» – по причине вложения божественности в их сердца:

«[...] ты дела,
В пределах знания твоего, прибавь,
К ним веру, воздержание, терпенье,
И добродетель присовокупи,
И ту любовь, что будет зваться впредь
Любовью к ближнему; она – душа
Всего. Тогда не будешь ты скорбеть,
Утратив Рай, но обретёшь иной,
Внутри себя, стократ блаженный Рай.»

(Книга Двенадцатая: 581–587)

”[...]Only add

Deeds to thy knowledge answerable; add faith,

Add virtue, patience, temperance; add love,

By name to come called charity, the soul

Of all the rest: then wilt thou not be loath

To leave this Paradise, but shalt possess

A paradise within thee, happier far.“

Заключительный комментарий к “Потерянному раю”.

По причине своего впечатляющего объёма, сложности и тщательности литературного исполнения «Потерянный рай» Джона Мильтона по праву оценивается как его главное произведение, его *magnum opus*, великая поэма, над которой поэт продолжал работать с молодых лет, и в которой божественное провидение наставляло его, судя по его собственным словам. «Потерянный рай» как библейская эпика является толкованием Писания: избранные события из библейского повествования составлены воедино, преследуя основную духовную тему – грехопадение и восстановление. Человеческая история представляется через центральное положение Христа в этой истории. Драматизация искушения как феномена создаёт психологически впечатляющий контекст. Эпическое повествование завершается подтверждением личностного триумфа над невзгодами и описанием окончательной победы над злом.

Личные политические отношения Мильтона также вплетены в поэму: его слепота, с одной стороны, политические преследования как следствие перемены власти после Реставрации, с другой. В этом отношении Милтон как бесстрашный оратор, защищающий правое дело несмотря на сопротивление и угрозы, может быть найден в тех строфах, где Аб-

диэль, например, «свидетельствует о правде» как единственным способе изгнания Сатаны и падших ангелов в Книге Пятой; или Ной, «одиноким человеком», который продолжает защищать доброе дело, несмотря на окружение негодяев. Зло, возможно, может иметь преимущество на какое-то время, как это делает монархия Стюартов во время Реставрации, но добро возьмёт своё в циклической панораме истории, и тогда оно будет иметь своего летописца, утверждает Мильтон.

«Обретённый рай»

Связь с «Потерянным раем»

В 1671 году, через одиннадцать лет после первого издания «Потерянного рая», Джон Милтон публикует «Обретённый рай», который скорее может восприниматься как дополнение, или завершение темы спасения. Как Леди-персонаж из ранней драмы Милтона «Комус», Христос достойно противостоит своему искустителю в «Обретённом раю».

Если «Потерянный рай» описывает «непослушание человека», то «Обретённый рай» представляет Христа, чья человеческая природа выделяется как пример совершенного послушания.

Построение поэмы

Поэма являет по своему объёму лишь пятую часть «Потерянного рая» и разделена на четыре книги. В отличие от «Потерянного Рая» книги «Обретённого Рая» не снабжены синопсисами.

Книга Первая

В Книге Первой, после исхождения Святого Духа, Сатана подслушивает, как Отец, «великий проповедник», провозглашает Христа своим «любимым Сыном»:

[...] И мнимый сын Иосифа пришел
На Иордан: пришел смирен и прост,
Еще безвестен; но Предтеча вмиг
Его признал, наставлен Богом. „Сей, -
Он рек, – меня Сильнейший.“ И робел
Священный долг исполнить; а когда
Решился, растворились Небеса
Над Тем, Кого крестил, и Дух Святый
Нисшел, как голубь, и глагол Отца
Раздался: «Ты Возлюбленный Мой Сын!»
Сие услышал Враг, зане бродил
Он по земле, и в том собранье славном
Явился.

(здесь и далее цитаты к «Обретённому Раю» даны в переводе С. А. Александровского)

(Книга Первая: 22–32)

[...]same

*From Nazareth the son of Joseph deemed
To the flood Jordan-came as then obscure,
Unmarked, unknown. But him the Baptist soon
Descried, divinely warned, and witness bore
As to his worthier, and would have resigned
To him his heavenly office. Nor was long
His witness unconfirmed: on him baptized
Heaven opened, and in likeness of a Dove
The Spirit descended, while the Father's voice
From Heaven pronounced him his beloved Son.*

(Здесь и далее оригинальный текст и нумерация строк «Обретённого Рая» цитируется по изданию 1680 года)

По повелению Сатаны, группа падших ангелов ожидают его в «среднем эфире», а сам искуститель отправляется на землю с тем, чтобы хитростью узнать личность Христа. Он опасается, что Христос исполнит пророчество о том, что «женское семя» нанесёт ему «смертельную рану»:

«[...] Семенем Жены
Встарь наречённый – ныне в свет рожден.
Его рожденье устало нас;
А днесь во цвете лет Он и, явив
Толики ум и благость, совершит
Бессмертные дела – и страшен паче. [...]»

(Книга Первая: 64–69)

[...] *The Woman's Seed,*

Destined to this, is late of woman born.

His birth to our just fear gave no small cause;

But his growth now to youth's full flower, displaying

All virtue, grace and wisdom to achieve

Things highest, greatest, multiplies my fear.

Христос странствует в пустыне, где он медитирует о ветхозаветных пророчествах, извещающих о его приходе; о событиях, произошедших в его жизни; о своей роли в божественном плане спасения:

«[...] В Писания Пророков углубясь

Касательно Мессии, не вполне

Постигнутые книжниками, Я

Уведал: обо Мне рекут. Прочел:

Точию муки смертные прияв

Обещанного царства досягну

И род людской избавлю, чьи грехи

Сполна отяготят Мою главу. [...]»

(Книга Первая: 259–267)

[...] *straight I again revolved*

The Law and Prophets, searching what was writ

*Concerning the Messiah, to our scribes
Known partly, and soon found of whom they spake
I am-this chiefly, that my way must lie
Through many a hard assay, even to the death,
Ere I the promised kingdom can attain,
Or work redemption for mankind, whose sins'
Full weight must be transferred upon my head.*

После странствия Христа в пустыне в течение сорока дней искушитель приступает к нему, преображённый в старика. Сатана предлагает Христу обратить камни в хлеб, чтобы оба они могли насытить свой голод, но Христос отказывается, объясняя, что это было бы проявлением «недоверия» Богу:

«[...] Но коль Ты Божий Сын, Отцу вели,
Чтоб эти камни претворил во хлеб:
Себя спасешь, и нам доставишь ядь,
Какой мы не вкушали уж давно.»
И рек Спаситель: «Уж толику мнишь
Во хлебе мощь? Писанье ль не велит
(Зане постичь не трудно, кто ты есть)
Не о едином хлебе жить, но каждом
Глаголе Божьем? [...]»

(Книга Первая: 342–350)

But, if thou be the Son of God, command

*That out of these hard stones be made thee bread;
So shalt thou save thyself, and us relieve
With food, whereof we wretched seldom taste."
He ended, and the Son of God replied:-
"Think'st thou such force in bread? Is it not written
(For I discern thee other than thou seem'st),
Man lives not by bread only, but each word
Proceeding from the mouth of God,[...]*

Книга Вторая

В Книге Второй мать Христа начинает беспокоиться о том, что его так долго нет обратно. Между тем, Сатана задумывает более изощрённый план искушения и призывает на помощь падших ангелов:

«[...] Чтоб соблазнять, приличнейший мужам
Найдем предмет – упорство, доблесть, честь,
Геройство, всенародную хвалу:
Превеличайших вергнут с этих скал;
Иль искусим, природнейший позыв
Дав утолить с природою в ладу.
Мне ведомо: взалкал Он во краю
Пустынном, где вполне безвестна снедь;
Я стану блазнить, выиграть стремясь
В единоборстве с Ним хотя бы пядь.»

(Книга Вторая: 225–234)

*“[...]with manlier objects we must try
His constancy-with such as have more shew
Of worth, of honour, glory, and popular praise
(Rocks whereon greatest men have ofttest wrecked);
Or that which only seems to satisfy
Lawful desires of nature, not beyond.*

*And now I know he hungers, where no food
Is to be found, in the wide Wilderness:
The rest commit to me; I shall let pass
No advantage, and his strength as oft assay.”*

Сначала они искушают Христа едой, затем они пытаются пробудить в нём стремление к «славе, почестям и обожанию народа». Христос, который страдает от голода, видит сон о пиршестве. Когда он просыпается, перед ним раскинут «стол, полный яствами». Отказываясь от «хитрости» искусителя, Иисус отказывается от материализма и светской власти, которая представляется в виде скипетра: «тот, кто правит над собой и держит под контролем Чувства, Желания и Страхи, – тот более достоин быть королём»:

«[...] Что, ежели презрел Я наравне
Богатства и венцы? Короны суть
Злаченные терновые венцы,
Даятели опасностей, забот,
Ночей бессонных, всяческих тревог;
Всех подданных ложатся бремена
Царю на рамена – посколь царит,
А честь его, и слава, и хвала –
Тягот раздельных общий вес нести.
Но кто собой владычит, обуздав
Стремленья, страхи, страсти – дважды царь; [...]»

(Книга Вторая: 457–467)

*“[...] What if with like aversion I reject
Riches and realms! Yet not for that a crown,
Golden in shew, is but a wreath of thorns,
Brings dangers, troubles, cares, and sleepless nights,
To him who wears the regal diadem,
When on his shoulders each man's burden lies;
For therein stands the office of a king,
His honour, virtue, merit, and chief praise,
That for the public all this weight he bears.
Yet he who reigns within himself, and rules
Passions, desires, and fears, is more a king-[...]”*

Книга Третья

В Книге Третьей Сатана обращается в своём обольщении к славе и знаменитости, но Христос отвергает земную славу как лживую, деградирует военных героев в их заслугах и прославляет духовный героизм вместо военного. С вершины высокой горы Христос обозревает античные царства, над которыми ему предлагается быть властителем, ведущим бесчисленные войска, которые также представлены его взору. Христос не впечатлён этим видом «хвастовства»:

«[...] Что слава, коль не суета молвы,
Не льстивая хвала народных толп?
А что народ, аще не жвачный скот,
Не смерды, что достойному хулы
Возносят гласом велиим хвалу?
Хвалу поют, не ведая, чему,
Не ведая, кому – другим вослед;
И сладко ли от сброда чтимым быть,
Молвою стать, осесть на языке
У черни, чья хула – уже хвала?
Хула – удел приверженцев добра. [...]»

(Книга Третья: 46–57)

“[...]For what is glory but the blaze of fame,

*The people's praise, if always praise unmixed?
And what the people but a herd confused,
A miscellaneous rabble, who extol
Things vulgar, and, well weighed, scarce worth the praise?
They praise and they admire they know not what,
And know not whom, but as one leads the other;
And what delight to be by such extolled,
To live upon their tongues, and be their talk?
Of whom to be dispraised were no small praise-
His lot who dares be singularly good.[...]*"

Книга Четвёртая

Сатана продолжает свои искушения в Книге Четвёртой и представляет Христу Римскую Империю, в которой ему предлагается стать императором:

«[...] По-царски одаренный, Ты б легко,
Явившись в Риме, начал череду
Деяний славных, и очистил вмиг
Престол, округ которого – вертеп,
И сбросил с Рима мерзостный ярем!
Коль помогу – сумеешь, ибо власть
Я получил – и передам Тебе. [...]»

(Книга Четвёртая: 97-104)

*“[...] With what ease,
Endued with regal virtues as thou art,
Appearing, and beginning noble deeds,
Might'st thou expel this monster from his throne,
Now made a sty, and, in his place ascending,
A victor-people free from servile yoke!
And with my help thou may'st; to me the power
Is given, and by that right I give it thee.[...]”*

В связи с этим, Иисус замечает, что «великие и помпез-

ные представления» преходящи, тогда как его царствию «не будет конца»:

«[...] Кто раб нутром,
Того невместно вызволять извне.
Мое же царство будет словно древо,
Что целый мир ветвями осенит,
Иль словно камень, бьющий в мелкий прах
Иные царства, сколь их в мире есть;
А Моему – скончанья не бывать. [...]»

(Книга Четвёртая: 143-151)

*“[...] What wise and valiant man would seek to free
These, thus degenerate, by themselves enslaved,
Or could of inward slaves make outward free?
Know, therefore, when my season comes to sit
On David’s throne, it shall be like a tree
Spreading and overshadowing all the earth,
Or as a stone that shall to pieces dash
All monarchies besides throughout the world;
And of my Kingdom there shall be no end. [...]”*

Наконец, Сатана предлагает ему весь мир, – искушение, которое Иисус отвергает решительно:

«[...] Заповедь гласит

Наипервейшая: „Лишь Бога чти
Как Бога, и лишь Господу служи.“
И Божью Сыну ты речешь „склонись“?
Перед тобой, кто проклят был, а днесь
Подавно проклят? [...]»

(Книга Четвёртая: 176-181)

*“[...] The first of all commandments, ‘Thou shalt worship
The Lord thy God, and only Him shalt serve.’
And dar’st thou to the Son of God propound
To worship thee, accursed? now more accursed
For this attempt, bolder than that on Eve,
And more blasphemous; [...]”*

Всё ещё надеясь совратить его славой, Сатана предлагает Христу абсолютное знание греческой античной мысли – искусство, философию, ораторские способности. С этими дарами он был бы в состоянии покорить весь мир. Христос отрицает греческое знание, потому что его непосредственное знание Господа является высшей истиной:

«[...] То, что должно знать,
Я ведаю. Кому даруют свет
Всевышний, изначальный – тем наук
Иных не надо, истинных пускай;
А в этих – ложь; иль заблужденья, сны,

Догадки, построенья на песке. [...]»

(Книга Четвёртая: 283-289)

*“Think not but that I know these things; or, think
I know them not, not therefore am I short
Of knowing what I ought. He who receives
Light from above, from the Fountain of Light,
No other doctrine needs, though granted true;
But these are false, or little else but dreams,
Conjectures, fancies, built on nothing firm. [...]”*

Когда Иисус засыпает, Сатана пытается, но безуспешно, повлиять на него через сон, представляющий шторм. Наивысшая сцена поэмы описывает Сатану, приносящего Христа на вершину иерусалимского храма, который вслед за тем предлагает ему выбор: оставаться стоять на вершине или броситься вниз, с тем, чтобы ангелы могли спасти его. Отказ Христа повергает Сатану в отчаяние и он отступает:

И на вершине Храма утвердив
Господня Сына, дьявол прошипел:
„– Стой, коль сумеешь! Пребыванье здесь
Потребует сноровки. Отчий дом
Вознес Тебя превыше всех и вся.
Стоять неловко? Но Господень Сын
Бесстрашно спрыгнул бы! Речет Псалтирь:

„И ангелам Всевышний заповесть
Хранить тебя повсюду; на руках
Тебя возьмут, да не когда преткнешь
О камень по случайности стопы.““
Рек Иисус: „Негоже искушать
Всевышнего.“ Изрек – и устоял.
А Сатана повергся, поражен:

(Книга Четвёртая: 546-559)

*There, on the highest pinnacle, he set
The Son of God, and added thus in scorn —
“There stand, if thou wilt stand; to stand upright
Will ask thee skill. I to thy Father's house
Have brought thee, and highest placed: highest is best.
Now shew thy progeny; if not to stand,
Cast thyself down. Safely, if Son of God;
For it is written, ‘He will give command
Concerning thee to his Angels; in their hands
They shall uplift thee, lest at any time
Thou chance to dash thy foot against a stone.’”
To whom thus Jesus: “Also it is written,
‘Tempt not the Lord thy God.’” He said, and stood;
But Satan, smitten with amazement, fell.*

Ангелы приходят на помощь Иисусу, и Христос, одержавший победу над искушениями, приступает к освобождению

человечества от дьявольских козней, которые послужили падению Адама.

Комментарий к “Обретённом раю”

В своих описаниях последовательности искушения Христа Мильтон следует скорее за Евангелием от Луки, чем за Евангелием от Матфея. Не взирая на сосредоточении внимания на испытаниях, Мильтон в то же время привносит в свои описания как сцены из более раннего повествования о жизни Христа, так и более древние эпизоды из библейской истории. Так, Иисус медитирует о событиях, произошедших в детстве и юности, но также упоминает ветхозаветные пророчества относительно пришествия Мессии. Более того, Бог Отец выражает в своём откровении своё намерение «испытать» Христа в пустыне, где «он должен проложить первые следы своего великого деяния» в качестве подготовки к своей победе над «Грехом и Смертью» на кресте и в воскресении:

«[...] Его как Сына Божья, Сатане
Дозволю искушать Его: пускай
Тот изощрится в хитрости, коль скоро
Столь чванится коварством пред ордой
Приспешников. [...] Он [Христос] возвернет
Победой то, что первый человек,
Застигнутый врасплох, утратил – но
Пусть приснославно ратует сперва

В пустыне, – а посем Его пошлю
Двух супостатов мира, Грех и Смерть,
Смиреньем и страданьем сокрушить. [...]»

(Книга Первая:140-162)

*“[...] This Man, born and now upgrown,
To shew him worthy of his birth divine
And high prediction, henceforth I expose
To Satan; let him tempt, and now assay
His utmost subtlety, because he boasts
And vaunts of his great cunning to the throng
Of his Apostasy. [...]*
*He now shall know I can produce a man,
Of female seed, far abler to resist
All his solicitations, and at length
All his vast force, and drive him back to Hell-
Winning by conquest what the first man lost
By fallacy surprised. But first I mean
To exercise him in the Wilderness;
There he shall first lay down the rudiments
Of his great warfare, ere I send him forth
To conquer Sin and Death, the two grand foes.
By humiliation and strong sufferance
His weakness shall o’ercome Satanic strength,
And all the world, and mass of sinful flesh; [...]”*

Вместе с тем, те терпение, вера и отвага, которые Христос выказывает в пустыне, являют себя как пережитые уже однажды в предыдущих испытаниях ветхозаветными предшественниками, такими как Иов, которого Христос цитирует в своём отрицании искушений Сатаны. С этой точки зрения, Книга Иова служит вторым библейским источником так называемой короткой эпике Джона Мильтона. Возможно и то, что Милтон также основывал свою картину испытаний Иисуса на рассказе Спенсера о сэре Гюйоне в Книге Второй «Королевы фей», где демонический персонаж испытывает рыцаря искушениями материализма, светской властью и славой. Другое произведение, «Победа Христа и Триумф на небе и на земле» Джэйлса Флетчера-сына, вышедшего в 1610 году, тоже может быть названо среди источников, использованных Мильтоном.

Если принять во внимание грандиозный формат, в котором события «Потерянного рая» разворачиваются перед читателем, – ад, Хаос, небесный свод, космос, земля – «Обретённый рай» выглядит сравнительно ограниченным в своём выражении. Если вспомнить события, происходящие в «Потерянном раю», – от небесной войны между ангельскими силами к созиданию земного мира – то события, происходящие в «Обретённом раю», выглядят статическими. Более того, драматические элементы «Потерянного рая», служащие развитию действия, нагнетанию напряжения, обострению конфликта, – всё это будоражит читателя и стимулирует как ин-

теллектуальный, так и психологический резонанс. В «Обретённом раю», напротив, искушитель заранее обречён на поражение, поскольку Христос совершенно не восприимчив к ним, он отрицает их решительно, после небольшого, или совсем без внутреннего конфликта. Можно себе представить, что Мильтон верил в то, что это создаст контраст между решительным отрицанием Христом искушений и читательским отношением к такого рода искушениям, которые для самого читателя не так-то просто отстранить. В своём проявлении исключительного послушания и таких добродетелей как вера, терпение и храбрость, персонаж Христа вырисовывается как пример, по которому читателю следует строить своё поведение.

«Обретённый рай» не обладает той грандиозностью и впечатлительностью происходящих событий более обширной эпопеи Мильтона, но и цель «Обретённого рая» также невыразимо другая. Намерения Мильтона лежат в создании контекста, в котором раскрываются философские рассуждения и дискуссии Христа, выраженные им в начале своего общественного служения в качестве спасителя. Именно в этой роли Христос рассуждает о своих двух природах, божественной и человеческой, которые объединились в нём. Драматизм в этой короткой эпике рождается частично из напряжения этих двух природ, а также и из вопроса, возникающего на их основании – каким образом божественное осознание всеобщего знания уравнивается с человеческим

аргументированием о том, почему страдание представляет собой предпосылку к торжеству; а если провидение должно было бы в любом случае исправить ошибки в человеческом восприятии, то кто может ожидать, что Мессия станет властителем мира. В то время, как заранее решено, что Сатана не сможет победить со всеми своими хитростями и кознями, рассуждения Христа и дискуссии со своим противником делают возможным для него примирить две свои природы, развить своё отношение к людям, а также приготовить себя для общественного служения как проповедником и как примером. С этими перспективами связано также напряжение между существующим отношением Христа к божественным персонам Троицы и его отделением от них после своего воплощения. Хотя Отец и Святой Дух предстают во время крещения Сына, чтобы подтвердить его божественность невзирая на его человечность, после крещения Сын остаётся наедине со своей человеческой судьбой, что и позволяет ему свершить свою роль страдающего слуги. Эта роль, которая становится ясной для него во время его страданий в дикой пустыне, кульминирует в смерти Христа на кресте.

Библиография

The Oxford Handbook of Milton, ed. Nicholas McDowell and Nigel Smith 2011 ISBN: 9780199697885

The Complete Poetry and Essential Prose of John Milton, ed. William Kerrigan, John Rumrich, and Stephen M. Fallon (New York: Modern Library, 2007).

Patrides, C. A. Approaches to Paradise Lost: The York Tercentenary Lectures (University of Toronto, 1968) ISBN0-8020-1577-8

Milton's Paradise lost. Illustrated by Gustave Doré. Ed., with notes and a life of Milton, by Robert Vaughan, D. D. New York [etc.] Cassell, Petter, Galpin & co., 1881

John Milton, Paradise Regained. A Poem. In IV Books. To which is added Samson Agonistes, London, 1680.

Джон Мильтон, Возвращённый рай, перевод С. А. Александровского, Время, 2001

Джон Мильтон, Потерянный рай, перевод А. А. Штейнберга и др., Эскиммо, 2010